

ЖУРНАЛЪ ШЕБУЕВА

№ 15 СОДЕРЖАНІЕ:

SALVE, REGINA!.. СТИХОТВОРЕНІЕ ВЛ. ЛЕНСКАГО.— РИС. Н. ГЕРАРДОВА.— ИДИОТЫ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФАРСЪ Н. ШЕБУЕВА СЪ РИС. Н. В. РЕМИЗОВА.— НАТУРЩИЦА. Н. ГЕРАРДОВА.— РАБУ. СТИХОТВОРЕНІЕ А. ГРУНИНА.— ЛЕЙЛИ И МЕДЖЛУМЪ. ЛЕГЕНДА В. ТРОФИМОВА.— ЛАЛУНЪ. Н. ШЕБУЕВА.— ОНА ПОЕТЪ. РАЗСКАЗЪ Н. ШЕБУЕВА.— АНКЕТА. Н. ГЕОРГІЕВИЧА.— КВАРТИРОЛОГІЯ. ПРЕДИСЛОВІЕ О КВАРТИРАХЪ И ПЕНЕНКАХЪ ВООБЩЕ РИС. Б. К. ВАЛЬГИСА.

SALVE, REGINA!

Снится мнѣ сумрачный храмъ,
Образъ распятого Сына,
Свѣчи, органъ, олимпамъ—
Нѣжное «Salve, Regina».

Вижу тебя я въ вѣнцѣ,
Ты и свѣтла, и невинна,
Тихое счастье въ лицѣ—
Нѣжное «Salve, Regina».

Рядомъ стою я съ тобой,
Счастья предъ нами вершина—
Богъ—и любовь—и покой—
Нѣжное «Salve, Regina».

Запахъ цвѣтовъ и свѣчей,
Роскошь одежды старинной,
Шошотъ родныхъ и гостей—
Нѣжное «Salve, Regina».

Вѣтеръ коснулся лица,
Руки трепещутъ невинно,
Блескъ золотого кольца—
Нѣжное «Salve, Regina».

Сумракъ рѣсницъ на лицѣ,
Бѣлый вѣнокъ изъ жасмина...
Ты—королева въ вѣнцѣ,—
«Salve, o Salve, Regina!..»

ВЛ. ЛЕНСКІЙ.

ИДИОТЫ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ГУЛЛИВЕРА ВЪ СТРАНУ ИДИУТОВЪ.

Фарсъ.

Дѣйствіе I.

Эакъ.—Ну, вотъ, а это у насъ, господинъ, судъ. Вотъ этотъ слѣпой посрединѣ—предсѣдатель суда. Налѣво у насъ сидитъ кривой на лѣвый глазъ, а направо—кривой на правый глазъ,—это члены суда.

Гулливверъ.—Зачѣмъ же у васъ слѣпые да кривые собраны?

Эакъ.—Чтобы судъ былъ праведный. Чтобы судьи не взирали на лица. Въ палатѣ у насъ подобраны глухіе: предсѣдатель на оба уха, а судьи—каждый на одно. А въ сенатѣ и глухіе и слѣпые, и сверхъ того (шепчетъ ему на ухо)... ужъ тѣхъ-то никакъ не заподозрить въ лицепріязи...

Гулливверъ.—А это кто въ намордникѣ?

Эакъ.—Это прокуроръ. Чтобы публика не боялась, онъ сидитъ на цѣпи. А чтобы судей или свидѣтелей какъ нибудь не загрызъ—въ намордникѣ. У насъ вѣдь ихъ по нѣскольку лѣтъ на злобу тренируютъ: сырой говядиной кормятъ, на крысъ и собакъ натравляютъ. А вотъ этотъ налѣво, съ толстыми губами—адвокатъ. Это онъ у него отъ губошлепанья такими большущими сдѣлался. Ихъ тоже долго тренируютъ. Видите, въ верхней губѣ и въ нижней по кольцу продѣто, а отъ нихъ въ видѣ блока идетъ къ потолку шнуръ. А другой конецъ шнура—въ рукѣ у предсѣдателя. Если адвокатъ слишкомъ заболтается, предсѣдатель дернетъ за веревочку и губы адвоката хлопнутъ, какъ хлопущка, и сплунутся. А вотъ сейчасъ на носилкахъ жандармы преступника несутъ. Впрочемъ, это не преступникъ, а недоступникъ, потому что онъ подъ колпакомъ и на бѣлыхъ носилкахъ. Стекланный кол-

пакъ—символь неприкосновенности личности и прочихъ частей тѣла.

Гулливверъ.—Насъ тоже околпачили съ неприкосновенностью личности. Но что значитъ «недступникъ»? (Вносятъ на носилкахъ подъ колпакомъ Зойеака).

Эакъ.—Вы сейчасъ изъ дѣла увидите и поймете.

Предсѣдатель.—Ну что, внесли подсудимаго? Мое превосходительство ничего не видитъ.

Судебный приставъ.—Внесли, Ваше Превосходительство.

Эакъ.—Это у насъ такъ высшихъ чиновъ называютъ. Онъ можетъ быть рѣшительно ничѣмъ, никого не превосходить изъ остальныхъ идиотовъ и всетаки, всѣ его зовутъ превосходительствомъ.

Предсѣдатель (приставу)—Ну, такъ снимайте колпакъ. (Съ подсудимаго снимается колпакъ). Подсудимый, ваше имя.

Подсудимый.—Зойеакъ, сорока лѣтъ, изъ коихъ десять было високосныхъ.

Предсѣдатель.—Это хорошо, что високосныхъ...

Членъ докладчикъ справа.—Слушается дѣло о подсудимомъ Зойеакѣ по статьѣ 552, 323 и 112, Уложения о Наказаніяхъ.

Предсѣдатель.—Это хорошо, что о наслажденіяхъ.

Гулливверъ (Эаку).—А у насъ только уложение о наказаніяхъ существуетъ.

Эакъ.—Уложение о наказаніяхъ это для преступниковъ, а уложение о наслажденіяхъ для недоступниковъ.

Предсѣдатель (публикѣ).—Господа

идиоты, довольны ли вы своими сосѣдями?

Голоса изъ публики.—Я не доволенъ.

Предсѣдатель.—Кого же вамъ надобно?

Голосъ.—А вотъ ту идиотку въ дурацкой зеленой шляпкѣ.

Предсѣдатель.—Госпожа идиотка, потрудитесь перестать, куда васъ зовутъ.

Гулливверъ (въ восторгѣ).—Какъ у васъ внимательны къ публикѣ.

Докладчикъ.—Сущность дѣла по восхвалительному акту, составленному чинами жандармскаго правленія, заключается въ слѣдующемъ. Идиотъ Зойеакъ, 40 лѣтъ, изъ коихъ, десять были високосныхъ, снимаетъ комнату у идиота Жеака, у коего имѣется дочь Жеакита четыр-

SALVE, REGINA!

надцать лѣтъ, изъ коихъ три высокосныхъ, мѣдннй самоваръ семи лѣтъ, изъ коихъ два высокосныхъ, телачья котлета, приобщенная къ дѣлу, но съѣденная крысами, о чемъ составленъ актъ, приобщенный къ косточкѣ котлеты, и не имѣется никакой прислуги какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, вслѣдствие чего оный идіотъ Зойеакъ, послѣ отлучки изъ своего дома на цѣлый вечеръ квартирохозяина Жеака, остался въ цѣлой квартирѣ, какъ съ вышеописанной Жеакитой, такъ и съ вышеуказаннымъ самоваромъ и вышеуказанной котлетой, тѣмъ не менѣе, оный Зайеакъ, имѣя полную возможность покуситься на неприкосновенность всѣхъ сихъ трехъ предметовъ, изъ коихъ дѣвственность дѣвочки удостоверена всѣми чинами жандармскаго правленія, цѣлостъ же самовара мѣстнымъ полицейскимъ участкомъ, а съѣденность котлеты вышеуказанными крысами, протоколъ освидѣтельствования коихъ, а равно и самые предметы, за исключениемъ послѣдней, которая выскола и была, какъ уже сказано, съѣдена крысами, не покусившимися, впрочемъ, на косточку, оставленную крысами, какъ вещественное доказательство...

Предсѣдатель.—Что? Какъ?... Какая косточка? Дѣвочкина косточка? Докладчикъ.—Телачья котлета. Предсѣдатель (разочарованно).—А мнѣ говорили, что будетъ дѣло о дѣвочкѣ, которая могла потерять невинность.

Докладчикъ.—Ваше Превосходительство право: дѣло слушается и о дѣвочкѣ, и о косточкѣ.

Предсѣдатель.—Котлета тоже могла потерять невинность.

Докладчикъ.—Да.

Предсѣдатель (проставу).—Подайте мнѣ дѣвочку. А докладчику—котлету.

Проставу.—Послѣдняя, будучи приобщена, съѣдена крысами.

Предсѣдатель.—Кто? Дѣвочка съѣдена крысами?

Проставу.—Нѣтъ, котлета.

Предсѣдатель.—Ну, такъ подайте намъ дѣвочку безъ котлеты.

Проставу.—Прикажете и самоваръ подавать.

Предсѣдатель (смотря на часы).—Развѣ ужъ пора перерывъ дѣлать?

Докладчикъ.—Нѣтъ, это изъ дѣла. Онь тоже приобщенъ къ дѣлу.

Предсѣдатель.—Ага. Понимаю. Дѣвочка приобщена къ самовару, а самоваръ къ дѣвочкѣ. Ну, вотъ и подайте намъ дѣвочку съ самоваромъ.

Закъ (съ восторгомъ Гулливеру).—Какъ идіотски предсѣдатель ведетъ дѣло! А вы замѣтили, какой идіотскій языкъ у члена докладчика! Языкъ—это гордость нашего суда. (Проставу вноситъ хорошенькую 14-лѣтнюю дѣвочку, самоваръ и косточку отъ телачьей котлеты, приложенные другъ къ другу и скрѣпленные печатями).

Предсѣдатель (участливо публикѣ).—Господа, всѣмъ ли хорошо видно дѣвочку-то?.. Вотъ она, дѣвочка-то?.. А я, е, Богу ничего не вижу... Хорошенькая ли она?.. Дѣвочка-то?.. Господа пристава, обнесите дѣвочку по рядамъ!.. А потомъ къ намъ ее... дѣвочку-то... (Дѣвочку носятъ. Публика смотритъ. Дотрагивается пальцами. Слышатся голоса одобренія: «Хорошая дѣвочка!»—«Дѣвочка, какъ быть должно!»—«Дѣвочка по всѣмъ статьямъ!»—«Ай да, дѣвочка!» Потомъ подносятъ къ прокурору, тотъ отворачивается, и къ судьямъ).

Предсѣдатель.—Дѣвочка, это ты та самая, которая была съ дядей цѣлый вечеръ въ комнатѣ наединѣ и онь тебѣ не сдѣлалъ бобо?

Дѣвочка.—Да. Та самая.

Предсѣдатель.—А это тотъ самый дядя? (Смотритъ на подудимаго недорѣшнво).

Дѣвочка.—Да. Тотъ самый.

Предсѣдатель.—А его тоже жандармы свидѣтельствовали?

Дѣвочка.—Не знаю.

Предсѣдатель.—Я, ей Богу, ничего не вижу. Дѣвочка, дай я тебя пощупаю.

Подойди сюда.

Дѣвочка.—Мнѣ стыдно.

Предсѣдатель.—Да вѣдь я только щечки. Ну не надо. Господа судьи, вамъ видно? (Публикѣ). Всѣмъ видно, что дѣвочка невинная?

Голосъ изъ публики.—Мнѣ не видно!

Предсѣдатель.—Ну, разскажи дѣвочка. Ты съ дядей воемъ оставалась. Что же онь тебѣ сказалъ?

Дѣвочка.—Сказалъ: «Ты меня не бойся, я тебѣ не сдѣлаю бобо».

Предсѣдатель.—А на колѣнки къ себѣ бралъ?

Дѣвочка.—Брала.

Предсѣдатель.—А волоски гладилъ?

Дѣвочка.—Гладилъ.

Предсѣдатель.—А въ щечку цѣловалъ?

Дѣвочка.—И въ щечку, и въ... (фыркаетъ).

Предсѣдатель (съ изумленіемъ).—А бобо не сдѣлалъ!

Дѣвочка.—Дядя сказалъ: «Если я тебѣ, цыпочка, сдѣлаю бобо сейчасъ, такъ меня будутъ судить по положенію о наказаніяхъ и самому мнѣ сдѣлаютъ бобо. А если я удержусь сейчасъ, тогда меня будутъ судить по положенію о наслажденіяхъ и я попаду вмѣсто тюрьмы исправительной въ тюрьму увеселительную... И тамъ будетъ много, много такихъ цыпочекъ какъ ты»...

Предсѣдатель.—Это онь хорошо сказалъ. Господа эксперты, что вы скажете о дѣвочкѣ.

1-й экспертъ.—Освидѣтельствовавъ 1-й Жеакиту четырнадцати лѣтъ изъ коихъ три высокосныхъ, нахожу ее безусловно женскаго пола и пригодной къ

исполненію всяческихъ свойственныхъ сему полу предназначеній.

2-й экспертъ.—По освидѣтствованіи оной дѣвочки и наложеніи казенныхъ печатей нахожу ее нетлѣнной.

3-й экспертъ.—Сія идіотка не постыдна. Въ чемъ и подписуюсь.

Предсѣдатель.—Идіотъ прокуроръ, ваше слово. Идіотъ судебный приставъ, снимите съ прокурора намордникъ.

Прокуроръ (нѣкоторое время даетъ, но мало по малу лай переходитъ въ членораздѣльную рѣчь).—Кто такой этотъ идіотъ? Что такое сдѣлалъ онь, что его принесли сюда на бѣлыхъ носилкахъ? Чего такого не сдѣлалъ онь, что его судятъ по уложенію о наслажденіяхъ. Онь не лишилъ невинности вотъ эту идіотку! Но вѣдь я тоже не лишалъ ее невинности! Вотъ этотъ приставъ тоже не лишалъ ее невинности. Вотъ экспертъ тоже! (Экспертъ кланяется). Отчего же не желаютъ наградить ни меня, ни пристава, ни эксперта, ни вотъ того идіота въ публикѣ, а желаютъ наградить именно вотъ этого идіота! Да потому что именно этотъ идіотъ Зойеакъ оставался съ нею въ комнатѣ, онь держалъ ее на колѣняхъ, цѣловалъ и гладилъ волосъ. Ни я, ни экспертъ, ни приставъ не можемъ похвастать тѣмъ, что держали эту идіотку на колѣняхъ и поэтому не мы, а онь имѣетъ будто право требовать съ государства удовлетворенія и награды за свой якобы подвигъ. Никто не споритъ: государство обязано вознаграждать гражданъ, за воздержаніе отъ преступленій. Но этотъ идіотъ уже вознаграждаетъ себя тѣмъ, что подержалъ дѣвочку на колѣняхъ, поласкалъ ее! Каждый веселится по своему. Быть можетъ онь по другому веселиться и не умѣетъ, или что еще вѣроятнѣе, не способенъ! А разъ не способенъ тогда о какомъ же воздержаніи идеть рѣчь! А разъ нѣтъ воздержанія, тогда за что же вознаграждать! Не должно ли государство судить его и наказать за то, что онь, будучи не способенъ нанести дѣвочкѣ большой вредъ, тѣмъ не менѣе не воздержался отъ того, чтобы не причинить ей вредъ символическій: держаніемъ на колѣняхъ, глаженіемъ волосъ и цѣлованіемъ. Но судить не по уложенію о наслажденіяхъ, а по уложенію о наказаніяхъ! Именемъ республики я требую тюрьмы для этого развратника, котораго не остановила ни молодость его жертвы, ни собственное безсиліе! Я требую направить на него всѣ карательно-судебныя отряды имперіи!.. Именемъ... ау-ау-ау... (начинаетъ лаять и кусаться).

Предсѣдатель.—Идіотъ приставъ надѣньте намордникъ на идіота прокурора. (Проставу начинаетъ надѣвать. Прокуроръ успѣлъ укусить ему палецъ. Подбѣгаютъ другіе, помогаютъ. Намордникъ надѣтъ. Слышется задуманный лай). Защитникъ ваша рѣчь.

Адвокатъ.—Идіотъ предсѣдатель, идіоты судьи, идіоты присутствующіе! Прежде всего я долженъ поблагодарить судьбу за то, что она представила мнѣ счастье говорить отъ лица этого добродѣтельногого идіота, котораго вы имѣете случай лицедрѣть. «Нѣтъ въ мнѣ большой страсти, чѣмъ страсть къ женщинѣ и нѣтъ въ мнѣ большого подвига, чѣмъ обузданіе этой страсти!»—такъ говоритъ нашъ великій учитель въ Юзюеакъ. Но великій учитель не правъ. Есть въ мнѣ страсть, которая превышаетъ страсть къ женщинѣ: это страсть къ дѣвочкѣ! И этотъ идіотъ, побороть ее, совершилъ самый большій подвигъ, на который только способенъ мужчина, если онь только мужчина и если онь только способенъ. (Предсѣдатель и члены киваютъ головой). И вотъ съ этимъ мужемъ идіотской добродѣтели я пришелъ сегодня въ это глупѣйшее собраніе, въ ототъ дурацкій ареопагъ, въ которомъ идіотство, патриотизмъ и справедливость состязаются въ быстротѣ. И я говорю: «Идіоты судьи, мы пришли сюда не просить, а требовать! Мы совершили подвигъ. Государство обязано насъ вознаградить. По закону нашей республиканской имперіи намъ полагается заключеніе въ увеселительной тюрьмѣ на время отъ 8 до 12 лѣтъ. Требуемъ высшей мѣры наслажденій!» Мы пришли. Но что же мы услышали въ этомъ ареопагѣ? Начали съ того, что насъ обвинили въ... неспособности совершить инкриминируемое преступленіе! Больше тягостнаго оскорбленія намъ нигдѣ никогда не представляли! Мы просимъ, мы требуемъ, чтобы

стѣны этого судилища орадиали насъ хоть отъ подобныхъ элементарныхъ оскорбленій! Я требую, чтобы немедленно было снято платно подозрѣнія! Эксперты на лицо! Пусть они освидѣтствуютъ Зойеака! Они могутъ немел... (Предсѣдатель дернуетъ за шнурокъ и губы адвоката съ шумомъ захлопнулись).

Предсѣдатель.—Идіоты эксперты потрудитесь удалиться съ подсудимымъ за ширмы и освидѣтствовать его.

Голосъ изъ публики.—И адвокат!

(Эксперты заходятъ за ширмы).

Гулливертъ.—Вотъ идіотскій судъ! Мнѣ все здѣсь кажется непонятнымъ.

Эксперты (возвращаясь).—Готово.

Предсѣдатель.—Ну? (обращаясь къ первому эксперту) Каковъ?

1-й экспертъ.—Освидѣтствовавъ идіота Зойеака сорока лѣтъ, изъ коихъ десять высокосныхъ, признаю его дѣеспособнымъ.

Предсѣдатель.—(обращаясь ко второму). А по вѣлему?

2-й экспертъ (показывая на подсудимаго).—Этотъ? (выразительно) Онь можетъ.

3-й экспертъ (многозначительно).—Съ превеликимъ удовольствіемъ.

Экспертъ.—Позвольте и адвоката освидѣтствовать?

Предсѣдатель.—Не надо.

Эксперты (оживленно).—А то позвольте... мы моментально...

Предсѣдатель.—Я вамъ сказалъ не надо.

Эксперты (разочарованно).—А мы думали... Да вѣдь мы живой рукой!..

Предсѣдатель (Проставу).—Заприте экспертовъ въ холодную! (Проставу вводитъ ихъ. Предсѣдатель спускаетъ шнурокъ, губы адвоката приходятъ въ движеніе).

Адвокатъ.—Итакъ надо быть всемъ умнымъ, что бы...

Прокуроръ (лаетъ глухимъ протестующимъ лаемъ).

Предсѣдатель (захлопывая губы адвоката).—Я васъ прошу воздерживаться отъ оскорбленія прокурора! (отпускаетъ шнурокъ).

Адвокатъ (продолжая).—... чтобы утверждать, что мы удержались отъ преступления только потому, что не въ нашей власти было его совершить. Теперь скажите, идіотъ прокуроръ? (иронически) что же и самоваръ былъ для него тяжелъ (въ публикѣ смѣхъ) или потому что судныя кассы были въ тотъ день заперты? (еще болѣе иронически) И котлетку онь не могъ съѣсть по той же причинѣ, что она была для него тяжела (въ публикѣ смѣхъ). Но оставимъ въ покоѣ субъекта преступленія, перейдемъ къ объекту, къ дѣвочкѣ Жеакитѣ. Я предвижу и здѣсь со стороны прокурора возмущеніе. Скажутъ дѣвочка была не подошедшимъ лицомъ! Скажутъ, что Жеакита не на столько красива, не на столько дѣвочка, что быть дѣвочкой. Я прошу судъ, я требую у суда сейчасъ же здѣсь же убить въ противномъ.

Предсѣдатель (оживленно).—Дѣвочка, подойди сюда! Что же ты боишься, дурочка! Судъ долженъ убиться въ противномъ... (приставу) Идіотъ приставъ, снимите съ дѣвочки печати. (Проставу снимаетъ печати). Дѣвочка, раздѣнься. Мы должны увидѣть какъ ты сложена, чтобы убиться въ противномъ. (Публикѣ) Всѣмъ ли видно! Идіоты, убѣждайтесь въ противномъ. (Дѣвочка раздѣвается. Голосъ въ публикѣ.—«Дѣвочка не противная!»—«Дѣвочка не вредная!»—«Пріятная дѣвочка!») Такъ какъ, я ничего не вижу...

Голосъ изъ публики.—Идіотъ предсѣдатель! Я усталъ!..

Предсѣдатель (затропился).—Хорошо. Хорошо... Я самъ усталъ... Сейчасъ сдѣлаемъ перерывъ и развлечемся, потомъ, потанцуемъ. Дѣвочка ты умѣешь танцевать? Можешь ты намъ стануешь... А не то судьи пріутоимисъ!

Дѣвочка Жеакита.—Съ удовольствіемъ! Но я безъ музыки не люблю.

Предсѣдатель.—А у насъ наверху увеселительная тюрьма! Мы тюремный военный оркестръ позволимъ! (Подсудимому) Вы согласны потанцевать!

Адвокатъ.—Нѣтъ. Мы просимъ сначала постановить приговоръ по нашему дѣлу. А не то послѣ танцевъ въ все позабудете.

Судьи (совѣщаются).—Аксіось? Аксіось! Аксіось!

Предсѣдатель. (на мотивъ изъ Гейши) Я предсѣдатель!

Я—членъ суда...

Членъ.

Втроемъ. Поди прѣтель,
Сюда, сюда,
Дѣвицѣ вредъ ты не на-
несъ
И тѣмъ растрогалъ насъ
до слезъ
Ахъ, мой создатель,
Мы плачемъ... да
Дѣвицѣ вредъ онъ не
Всѣ. И тѣмъ растрогалъ насъ
до слезъ.
Ахъ, мой создатель!
Мы плачемъ, да
Предсѣдатель. Весь свѣтъ дивится
Члены. И восхищень.
Предсѣдатель. Мила дѣвица,
Члены. Въ соку и онъ.
Трое. Эксперты осмтрѣлихъ:
Препятствій не было дру-
гихъ,
Всѣ. Но онъ стремится
Блести заколь.
Дѣвицѣ вредъ онъ не
нанесъ
И тѣмъ растрогалъ насъ
до слезъ
Самъ судъ дивится
И восхищень.
Предсѣдатель. Я предсѣдатель.
Члены. Я — членъ суда!
Предсѣдатель. Судъ — не каратель!
Члены. Отцы мы, да,
Трое. Достойнъ ты, рѣшили
мы,
Увеселительной тюрьмы,
Въ судъ, въ палатъ-ль
Законъ всегда,
Всѣ. Дѣвицѣ вредъ ты не на-
несъ
И тѣмъ растрогалъ насъ
до слезъ
Поди прѣтель,
Сюда, сюда!

(Всѣ обступаютъ Зойеака, цѣлуютъ и качаютъ его. Прокуроръ неудержимо рвется на цѣпи и глухо дагетъ).

Предсѣдатель. — Прокуроръ проситъ слова. Идоть приставъ снимите намордникъ.

Прокуроръ. — Ау! Ау! Ау!... Я протестую! Я нахожу рѣшеніе суда слишкомъ логичнымъ (судъ вскакиваетъ, какъ ужаленный) и... умнымъ (Предсѣдатель звонитъ. Члены суда негодуютъ, пожимаютъ плечами). Я требую немедленнаго освѣдѣтельства умственныхъ способностей всего состава суда черезъ психиатровъ губернскаго присутствія! Ау! Ау! Ау! (дагетъ и кидается изъ стороны въ сторону).

Предсѣдатель (кричитъ приставамъ) — Посадите на цѣпи, въ карцеръ прокурора! Надѣньте намордники! Судъ не боится экспертизы! Я тридцать лѣтъ сижу предсѣдателемъ суда! За это время меня экспертировали сотни разъ и никогда никто не нашелъ въ моей головѣ ни одной крупинки здраваго смысла!.. А этого прокуроршишка, у котораго даже и протекціи-то особенной нѣтъ оскарбляеться идиотство судамъ!.. Буквы ему захотѣлось!.. Букву... Я ему покажу букву!

Гулливеръ. — О какой это буквѣ кричитъ предсѣдатель?

Эакъ. — У насъ чиновниковъ респекторъ награждаетъ присоединеніемъ къ фамилии буквы. Родится человекъ, при рождении ему даютъ имя изъ одной буквы. Всѣ мальчики у насъ зовутся А. Всѣ дѣвочки И. При совершеннолѣтіи прибавляется буква. Мнѣ приобавили К. Сталь я Акъ. Когда я получилъ первый чинъ мнѣ приобавили Э. Сталь я Эакъ. Потомъ вышелъ въ отставку и такъ теперь до смерти останусь съ этимъ именемъ.

Гулливеръ. — Какъ же зовутъ предсѣдателя суда. Вѣроятно, очень длинно.

Эакъ. — Не особенно: Яшундзашупдзайоаакъ! Самое длинное имя у нашего респектатора. Въ его имя входятъ не только всѣ буквы алфавита, но и всѣ цифры. Такъ что вѣтъ уже пятый годъ, какъ онъ самъ награждаетъ себя знаками препинанія. Есть слухъ, что въ нынѣшнемъ году ко дня рождения онъ возложитъ на себя ковчигъ!.. А можетъ быть даже знакъ вопросительный!

Гулливеръ. — Но вѣтъ это идиотство! Эакъ (съ гордостью). — Вотъ именно!.. Нашъ респекторъ идиотсисимусъ идиотсисиморумъ! Никто не можетъ отнять у него этого титула!

Гулливеръ. — Но что за странный титулъ респекторъ?

Эакъ. — Развѣ вы не знаете, что Идиотія — республиканская имперія, или монархическая республика, или иначе Респекрія... респ., напоминаетъ слово республика, а окончаніе перія — слово имперія... Глава же Респекрія — респекторъ или президентаторъ!..

Гулливеръ. — Вотъ идиотство! Но развѣ мыслима монархическая республика!..

Эакъ. — Но что подѣлать, если у насъ въ Идиотіи ровно столько монархистовъ,

сколько республики канцевъ!.. Мы все перепробовали!.. Сначала вѣшали республиканцевъ!.. Потомъ вѣшали монархистовъ!.. Потомъ вѣшали тѣхъ и другихъ!.. Потомъ перестали вѣшать стали разстрѣливать!.. Потомъ перестали разстрѣливать стали топить!.. Потомъ отмирили смертную казнь вовсе и рѣшили примирить всѣ политическія партіи, чередуя формы правленія. Въ понедѣльникъ у насъ была демократическая республика. Во вторникъ конституціонная имперія. Въ среду плутократическая республика. Въ четвергъ бюрократическое самодержавіе. Въ пятницу бюрократическая республика. Въ субботу абсолютная монархія. А въ воскресенье абсолютная анархія. И что же! такой перемежающийся образъ правленія просуществовалъ всего полъ года. Первыми забастовали тюремщики, которымъ надоѣло сажать въ тюрьмы. За ними — писаря, которымъ надоѣло переписывать списки амнистированныхъ!.. Вѣдь приходилось каждый день сажать и каждый день амнистировать!..

Гулливеръ. — Какое идиотство!.. Эакъ. — И вотъ тогда мы рѣшили установить смѣшанный образъ правленія, чтобы примирить республиканцевъ и монархистовъ. Нашъ императоръ принялъ титулъ президента республики, оставаясь императоромъ. Такимъ образомъ у насъ и получилась республиканская монархія и монархическая республика.

Гулливеръ. — Вы этакъ думаетесь и до анархической монархіи или монархической анархіи!

Эакъ (серьезно). — Ну, это будетъ только тогда, когда въ Идиотіи анархистовъ будетъ столько же, сколько монархистовъ.

Гулливеръ. — Но кто же у васъ управляетъ — народъ, или король?

Эакъ (испуганно, положивъ палецъ къ губамъ). — Те... о томъ, кто управляетъ и какъ управляютъ у насъ говорить не принято!.. Иначе можете получить командировку на пять минутъ въ ротъ!..

Гулливеръ. — Это что такое?

Эакъ. — У насъ смертная казнь безусловно отмѣнена!.. Для тяжчайшихъ же преступленій, къ каковымъ относится и разговоръ о томъ, кто правитъ Идиотією, существуетъ такой видъ наказанія. Виновный командирется на пять минутъ въ ротъ, тамъ изъ него устраиваютъ мишень!.. Солдатики дѣлаютъ видъ, что и не подозреваютъ, что стрѣляютъ не въ куклу, а въ живого идиота!..

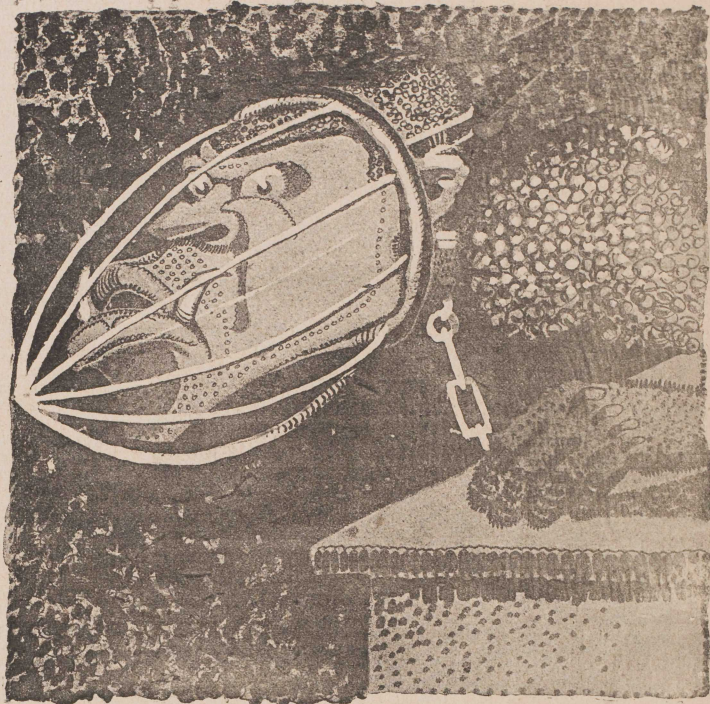
Гулливеръ. — Вотъ и у насъ тоже по имени цензура отмѣнена, а на самомъ дѣлѣ!..

Предсѣдатель. (приставу) — Что же въ тюремныхъ музыкантовъ и увеселительницъ не вызвали. Да изъ арестантовъ тѣхъ кто повеселѣе. (Дѣвочкѣ). Ты что танцуешь крошка И?..

Дѣвочка (танцуетъ кзквокъ):
Мнѣ мамаша запретила
Танцевать кзквокъ
Танцевать кзквокъ...
Потому что находила
Въ немъ большой порокъ!..

(Грустно). А съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя матушка, я танцую только похоронный маршъ! (Подъ идиотскую музыку входятъ военные музыканты, увеселительницы, тюремщики и арестанты. Замѣтивъ Гулливера военные арестанты со страху умолкаютъ).

Предсѣдатель. — Что же вы не играете!.. (Музыканты подносятъ инструменты къ губамъ. Раздается жалостливый вой инструментовъ. А затѣмъ опять все умолкаетъ). Именемъ закона я вѣсь при-

казываю играть! (Раздается жалостный фальшивый звукъ гобоя).

Дирижеръ музыкантовъ. — Они вѣсь превосходительство испугались ихъ!..

Предсѣдатель. — Меня нечего бояться!.. Дирижеръ. — Они не васъ!.. Солдаты господина иностранца испугались!..

Всѣ (Ахнувъ). — Иностранца!.. Гдѣ иностранецъ!

Гулливеръ. — Вотъ, позвольте вамъ представиться. Я — иностранецъ Гулливеръ!.. Приѣхалъ сюда не за тѣмъ, чтобы причинить вамъ какія нибудь неприятности, а что бы отъ васъ поучиться уму разуму!..

Всѣ (съ неголованіемъ). — Онъ оскорбляетъ насъ! Гдѣ онъ видѣлъ у насъ разумъ!..

Гулливеръ (спохватившись). — Но познакомившись съ вашимъ судомъ, я вижу, что у васъ нѣтъ и крупинки здраваго смысла!.. Я вижу, что все у васъ зиждется на идиотствѣ, недомыслии, скудоуміи, кретинизмѣ!.. И я пришелъ къ сознанию, что быть идиотомъ — это высшее счастье на землѣ!.. Счастливы, то-есть дѣйствительно счастливы, идиотски счастливы лишь идиоты! Я прѣвѣстную идиотизма, какъ панacea противъ всѣхъ политическихъ и экономическихъ золъ! Да здравствуютъ идиоты! Разумъ, который тысячелѣтія управлялъ людьми, народами, человѣчествомъ доказалъ полное свое банкротство! На что способенъ онъ, если за тысячелѣтія своего верховодства въ политическихъ вопросахъ не думался даже до такой простой, идиотски ясной мысли, какъ анархическая монархія, или монархическая анархія!.. А идиотство явилось и вотъ передъ вами великая респекрія Идиотія съ респекторомъ во главѣ!.. (въ началѣ рѣчи недовольство на лицахъ замѣняется мало по малу самоподвольною улыбочкою. Слышно голоса: «Онъ говоритъ глупо!» — «Дуракъ сразу видно!» — «Настоящій идиотъ!» и другія похвалы).

Предсѣдатель. — Гдѣ онъ, гдѣ онъ. Этотъ идиотъ иностранецъ!.. Поди сюда! Я тебя расцѣлю!.. Я растрогался до слезъ!..

Всѣ (восторженно). — Будемъ пѣть и плясать въ честь иностранца.

Предсѣдатель (Музыкантамъ) — Ну, что же вы, ирайте! (Музыканты подняли было инструменты, но опять опускаютъ. Раздается только жалобный звукъ гобоя или волторни). Гуленькіе! Все боитесь, (Дирижеру). Это хорошо, что вы такъ восприняли солдаты! Въ страхъ иностран-

цевъ держи солдатъ и благо ти будетъ и долготѣнъ будещи на землѣ!

Гулливеръ. — Но неужели они всякаго иностранца такъ бояться!..

Дирижеръ (съ гордостью). — Всякаго. Гулливеръ. — Но вѣдь ихъ много, а я одинъ!..

Дирижеръ (съ достоинствомъ). — Если бы насъ былъ цѣлый полкъ и намъ встрѣтился бы иностранецъ мальчикъ, все равно весь полкъ уступилъ бы почтительно ему дорогу! Вотъ какъ воспитаны мы, господинъ идиотъ иностранецъ!

Гулливеръ. — Но какъ же если вдругъ внѣшняя война!..

Всѣ (съ ужасомъ). — Внѣшняя война!.. (Дирижеръ и солдаты падаютъ безъ чувствъ). Доктора, доктор!.. Нашатырнаго спирта!.. (Приносятъ ведро нашатырнаго спирта и приводятъ въ чувства сперва дирижера).

Гулливеръ. — Что я надѣдалъ! Я не зналъ, что у васъ солдаты такъ нервны!..

Эакъ. — Да. У насъ нельзя говорить о внѣшней войнѣ передъ солдатами. Дѣло могло бы окончиться разрывомъ сердца. У насъ не ведутъ внѣшнихъ войнъ. Никто никогда не объявитъ намъ войны, потому что всѣ вѣрятъ въ величїе непобѣдимой Идиотіи. И сами мы вѣримъ, потому что у насъ тагъ хорошо поставлено дѣло съ наградами и парадями, какъ нигдѣ.

Гулливеръ. — Такъ неужели у васъ войско существуетъ только для внутреннихъ войнъ!..

Эакъ. — Для внутреннихъ?.. Что такое внутренняя война!..

Гулливеръ. — Ну, междоусобная война!.. Когда одна часть государства востаетъ на другую!.. Или когда появляются крамольники!.. Напримѣръ въ деревняхъ!..

Эакъ. — Ха-ха-ха! Какой вы потѣшный!.. Да вѣдь и солдаты нами вербуются изъ деревень!.. Такъ неужели же они станутъ стрѣлять въ своихъ же!.. Да вѣдь отбывшій наказаніе солдатъ снова дѣлается мужикомъ!.. Было бы слишкомъ умно воспитать солдатъ такъ, чтобы они позабыли, что они крестьяне и идиоты, и стали бы стрѣлять въ крестьянъ и идиотовъ!..

Гулливеръ. — Но, если у васъ нѣтъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ войнъ, такъ зачѣмъ же вамъ войско?!..

Эакъ. — Вотъ я сжову васъ на великій всецидотскій парадъ и вы скажете зачѣмъ!..

Предсѣдатель. — Иностранецъ, объясните, пожалуйста, солдатамъ, что у

вась нѣтъ никакого оружія. Они боятся, что вы бронированы, что у вась съ собой въ карманѣ или пулеметъ, или мортира, или мина, или торпеда кака-я-нибудь.

Гулливеръ.—Клянусь вамъ, что я пришелъ сюда съ самыми мирными намереніями.

Председатель.—Такъ играйте же, что я сказалъ. (Музыканты играютъ похоронный маршъ въ темпѣ галлопа. Всѣ танцуютъ. Затѣмъ солныне балетные номера тюремныхъ увеселительницъ—идіотскія пляски. Вокругъ Зойеака собираются всѣ недоступники. Одѣты они во что-то вроде тоги. Сзади придѣланы крылышки—символъ ангелской невинности. Гейши одѣты и раздѣты на всѣ вкусы).

Всѣ недоступники и гейши (Зойеаку на мотивъ галлопированнаго похороннаго марша).—

Перевъ вами вся тюрьма!
Поднялся кутерьма!
Недоступниковъ число
До ста тысячъ возросло
Пусть узнаетъ свѣдѣль членъ
Нашихъ гейшъ, веселящихъ плѣнь:
Пляски, пѣсни и вино
Намъ судомъ присуждено!

Мы танцуемъ дѣльный день,
Распѣвая прѣблѣнь...
Пьемъ съ утра мы до утра,
Не жалючи нутра!
Гейша на день—порціонъ...
Съ ней отраденъ моционъ...
Наласкаемся мы съ ней
До оскомины ей-ей!..

Гейши (хоръ окружаетъ Зойеака тѣснѣй):

Соберемся гейши въ кругъ
Пусть онъ выберетъ подругу.
Члену свѣжему хвала!
Пусть подвяжетъ два крыла!
(подаютъ крылья. Зойеакъ подвязываетъ).
Зойеакъ, Зойеакъ
Ты никакъ совсѣмъ размякъ...

Председатель и члены суда (Зойеаку):

Собрались гейши въ кругъ
Ты-жъ стоишь какъ пентюхъ, другъ.
Гейша на день—порціонъ,—
Такъ гласитъ о томъ законъ.

Гейши. Мы собой не дорожимъ
Но таковы тюрьмы режимы!
Всѣ. Гейша на день—порціонъ
Съ ней отраденъ моционъ...

Зойеакъ (нерѣшительно председателю). Гейши это хорошая штука... Но яли начала я бы хотѣлъ себѣ выбрать... Жеакиточку... Она мнѣ сказала, что не прочь поступить въ тюремныя гейши.

Жеакита (появляется въ фантастическомъ костюмѣ тюремной гейши). Да... да... Я уже выправила билетъ... (Зойеакъ хватается ее за руку. Всѣ вокругъ начинаютъ танцовать распѣвая):

Гейша на день—порціонъ
Такъ гласитъ о семъ законъ
Мы собой не дорожимъ,
Но таковы тюрьмы режимы.
Собрались вся тюрьма,
Поднялся кутерьма!
Пляски, пѣсни и вино,
Намъ судомъ присуждено!
Недоступниковъ число
До ста тысячъ возросло...

Председатель (Гулливеру съ гордостью).—Это въ одномъ только нашемъ округѣ число недоступниковъ возросло до ста тысячъ... А по всей Идіотіи—до милліона...

Гулливеръ.—Но вѣдь содержание ихъ стоитъ страшныхъ денегъ!.. Однѣ гейши что обходятся!

Председатель.—Положимъ, большинство гейшъ у насъ вербуется изъ любительницъ и благотворительницъ... Вѣдь каждой дамѣ хочется доставить пріятное недоступнику!.. Мы хотѣли даже ввести всеобщую женскую повинность!.. Это бы сказалося и на улучшеніи породъ... Вы правы, въ общемъ содержаніе недоступниковъ стоитъ колоссальныхъ денегъ... Но за то у насъ нѣтъ почти простыхъ тюремъ... Было время когда мы вели себя такъ умно, что содержали на общественной счетъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ!.. Не лучше ли содержать въ тюрьмахъ недоступниковъ!.. Вѣдь это лучше идіоты страны!.. Вѣдь это цвѣтъ Идіотіи!.. Во сколько разъ пріятнѣе кормить ихъ, чѣмъ раньше—преступниковъ!.. Ну, что это такое... (Въ залѣ поднимается шумъ и ссора: одинъ кричитъ—«Я хочу танцевать кэквокъ!» Другой,—«а я хочу вальсировать!» третій: «А я требую, чтобы музыка играла мачишъ», четвертый—«польку! Я кромѣ польки ни черта не знаю!» и т. д. Каждый требуетъ чтобы музыка играла, что ему хочется). Надо будетъ ихъ примирить... (Публикъ) Стойте идіоты. Молчи музыканты!.. Сейчас я всѣхъ умиротворю... Судебные, пристава внесите сюда танцевальные коллаки!..

Всѣ.—Браво, Bravo!.. Балъ въ коллакахъ!.. Всѣ околочуты!.. (Пристава вносятъ металлическія маски на подобіе водолазныхъ и кладутъ на столъ. Всѣ окружаютъ председателя).

Председатель.—Кто хочетъ танцевать вальсъ?

1-ый идіотъ.—Я!
Председатель (подаетъ ему маску)—Надѣвай!.. Кто просиль кэквокъ?.. Вамъ! (подаетъ другому) Кто польку? Кто польку-мазурку? Кто канканъ? Кто чижикъ? Кому паде каде? Кому мачишъ? Вальсъ-идіотъ? Полька-монополька! Падѣсь-эръ!.. Па дѣспанъ!.. (Всѣ разбираютъ коллаки и начинаютъ танцевать безъ музыки).

Гулливеръ.—Я изумленъ!.. Они танцуютъ безъ музыки!.. И каждый свое!.. Что это за коллаки такіе!..

Председатель. Видите-ли въ каждомъ коллакѣ скрытъ граммофончикъ... Вотъ я надѣваю себѣ на голову и слышу что онъ играетъ... А дамѣ втыкаю проводы... вотъ видите эти... въ уши кончикъ... и она слышитъ... И вотъ мы вдвоемъ слышимъ, напримѣръ, кэквокъ... А сосѣди не слышатъ... Имъ наша музыка не мѣшаетъ танцевать, что они хотятъ... А мы танцуемъ свое... И такъ всѣ примиряются... Вы увидите какое отрадное зрѣлище представлятъ они, когда весь залъ затанцуетъ. А музыканты въ это время могутъ или молчать, или играть что имъ угодно!

Гулливеръ.—Какое идіотство!..

Председатель (съ гордостью) —Да-съ!.. У насъ милостивый государь, во всемъ идіотство и въ танцахъ, и въ политикѣ!.. Въ политикѣ мы поступаемъ совершенно также... Раньше не было отбоя отъ политичекскихъ преступниковъ!.. А теперь съ гордостью можемъ сказать, что послѣ объявленія манифеста о монархической республикѣ, ни одного крамоульника не встрѣтили!.. Каждый изъ идіотовъ получилъ право исповѣдовать то политическое ученіе, какое ему нравится... Каждый танцуетъ подъ свою дудку: аше ты демократъ,—демократствуй, аше монархистъ—монархествуй, но не мѣшай танцевать сосѣду, и вотъ все наше государство теперь уподобилось этому балу коллаковъ, каждый танцуетъ подъ свою собственную дудку, а оркестръ—правительство играетъ что ему заблагоразсудится!.. Это и называется

республиканской монархіей или монархической, анархіей!.. Въ слѣдующемъ дѣйствіи вы познакомитесь съ результатами нашей формы правленія... Мы вамъ покажемъ, все, все... А пока я съ вами заболтался... Надо и мнѣ танцевать... Коллаковъ-то намъ съ вами не хватило... Придется по телефону видно... (подходитъ къ телефону) Центральная?.. Дайте отбой! Центральная?.. Барышня, мнѣ не надо этого... Я васъ прошу разъедините!.. Дайте мнѣ Казино-Ватерпруфъ... Барышня... центральная... Ага... Казино?.. Подросите къ телефону распорядителя!.. Это съ вами говорить председатель судебной палаты... Именемъ закона пусть оркестръ играетъ кэквокъ... (приставляетъ слуховую трубку къ ушамъ и съ нею начинаетъ кэквоковать у телефона. Весь залъ танцуетъ попарно въ одно время кто во что гораздъ. Оркестръ играетъ невозможную чушь).

Эакъ.—А у васъ въ государствѣ такъ же граждане околочены!

Гулливеръ.—Да... У насъ тоже околочены... Каждый гражданинъ будь онъ эсь-эръ, эс-дѣкъ, или анархистъ, или иной какой парти имѣетъ право потребовать себѣ не только коллакъ, но и цѣлую камеру одиночнаго заключенія. Тамъ въ своей камерѣ онъ можетъ танцевать что угодно, не мѣшая сосѣду... А правительственный, военный оркестръ въ это время жаритъ гимнъ. (Какая-то гейша подхватываетъ Гулливера и они замѣшиваются въ неистовую пляску толпы).
Занавѣсъ.

Н. ШЕБУЕВЪ.

РАБУ.

Земля чуть дремлетъ въ сонныхъ звукахъ,
Порывы вѣтра чуть слышны;—
Тамъ кто-то стонетъ въ вѣбныхъ мукахъ

Завороженной тишины
И не сорвать съ земли покровъ,
Не озарить ея огнемъ,—
И ты всегда, всегда безъ безъ слова

Пойдешь на зовъ ея рабомъ.

АЛЕКСѢЙ ГРУНИНЪ.

ЛЕЙЛИ И МЕДЖЛУМЪ.

(ЛЕГЕНДА).

Это было давно, еще въ тѣ времена, когда люди могуче жили, и когда на землѣ всѣ почти племена богу-солнцу и звѣздамъ служили. Это было тогда, какъ Лейли и Меджлумъ*) разъ въ году темной ночью встрѣчались и, любовно горя, безъ печали и думъ, въ полюбвѣльномъ обручались. И тогда, говорятъ, въ тотъ таинственный мигъ звѣздъ влюбленныхъ восторженной встрѣчи всѣ деревья, цвѣты, птицы, звѣри, родникъ на ту ночь получали даръ рѣчи. Кто успѣлъ изъ людей въ эту ночь уловить мигъ Лейли и Меджлума лобзаянъ, три желанія тотъ звѣздамъ могъ заявить, и—и всѣ три исполнялись желанья...

*) Лейли и Меджлумъ, по армянскому сказанію двое влюбленныхъ, отцы которыхъ были непримиримыми врагами и не давали согласія на ихъ бракъ. По просьбѣ Лейли и Меджлума Богъ превратилъ ихъ въ звѣзды, разрѣшивъ разъ въ году ночью встрѣчаться на небосводѣ и обмѣниваться поцѣлуемъ. Въ этотъ мигъ природа оживала и получала даръ рѣчи, а человекъ, уловившій моментъ звѣздной встрѣчи, успѣвшій прозвонить три желанія, получалъ отъ Бога ихъ исполненіе.

ЛАЛУНЬ.

(На мотив Киплинга).

Съ кѣмъ сравню зарю востока—несравненную Лалунь:
Съ легкокрылой перепелкой? Съ тонконою газелью?
Иль съ волнами Диль-Сагара, солнцемъ Индіи согрѣтыми?

Гдѣ возьму я рифмъ и красокъ, гдѣ возьму для пѣсенъ струнь?
Ахъ, когда она залыется серебристой смѣха трелью,
Замолчите, замолчите всѣ прозаики съ поэтами!..

Домъ Лалунь—подъ сѣбною мужка,—густолиственный жужубъ—
Мужъ ея... Mesdames, не смѣйтесь,—то законъ браминовъ касты:
За деревья выдаются замужъ дѣвы той профессіи,

Гдѣ Лалунь звѣздой сияетъ. Чѣмъ не мужъ тѣнистый дубъ:
И въ Европѣ, коль взглядѣтся, браки въ этомъ родѣ часты:
Я бы могъ сейчасъ припомнить двѣ-три брачныя процессіи.

Домъ Лалунь—въ дуплѣ у мужка. Полированъ гладко полъ,
Тутъ ковры, а тамъ подушки. Гладко выскоблены стѣны
И въ одной изъ нихъ окошко съ деревянною рѣшоткою.

Пережилъ тысячелѣтнія грозныхъ буръ жужуба стволъ.
Онъ философъ. Какъ философъ, смотритъ на Лалунь измѣны,
Какъ философъ, знаетъ цѣну брака прадѣда съ красотою...

У Лалунь, зари востока, отъ зари и до зари
Слышенъ сладкій звонъ ситара, слышенъ шорохъ, шопотъ ласки,
Перезвонъ запястій, колець, украшений одѣянія,—

(Если хочешь обладать ей, золотой браслетъ дари,
И увидишь восхищенный фантастическія пляски,
Это томное купанье въ волнахъ луннаго сіянія)...

У Лалунь, зари востока, говоръ, гости цѣлбый день:

И шиты, и пундиты, бородастые суфиты,
И индусскіе брамины и муллы съ чалмами бѣлыми...

Покуритъ подъ сѣнъ жужуба никому придти не лѣнь.—
И купцы, и ламбардары, и набабы въ блескѣ свиты,
И юнцы универсанты съ ихъ рѣчами жгуче смѣлыми.

Вы, mesdames, въ дуплѣ у мужка... въ сердцѣ, въ сердцѣ, виновать,
Вы, mesdames, подъ чахлой сѣбною ветхаго лѣтатъ мужа,
Будь онъ древо звѣздоносецъ, или древо родословное,
Все равно, себя устроить такъ сумѣете наврядъ,
Какъ Лалунь. На лбу сановномъ, рогъ вѣтвистый обнаружа,
Мужъ брюзжать начнетъ, брюзжанье удовольствіе условное.

Съ кѣмъ сравню зарю востока, несравненную Лалунь?
Съ легкокрылой перепелкой, иль съ газелью легконогой?

Иль съ волнами Диль-Сагара, блескомъ солнечнымъ согрѣтыми?
Гдѣ возьму для пѣсни красокъ, гдѣ возьму для пѣсни струнь?
Замолчи въ безилии муза,—блескъ очей Лалунь не трогай,—
Намъ ли пѣть,—она воспѣта свѣтлой Индіи поэтами.

Н. ШЕБУЕВЪ.

***
Въ эту чудную ночь улыбались цвѣты,
дѣли гимнъ молодые побѣги, пестрыхъ
бабочекъ рой неземной красоты трепе-
таль отъ волненья и нѣги... И спокойный,
всегда чуть замѣтный родникъ, пробира-
ясь струйкой лѣнливой, поцѣлуемъ
своимъ къ незабудкѣ приникъ и сму-
тилъ ее рѣчько игривой... Даже сонная
днемъ и сплыва сова на угрюмой соснѣ
вскрикнулась, и о страстной любви
прокричала слова,—и природа совѣ улы-
нулась. Даже самъ могиқанъ—въ роуцѣ
дубъ вѣковой—гордо поднялъ мочуца
плечи, засмѣялся старикъ и, качнувъ
головой, онъ одобрилъ свинья рѣчи...

***
Въ эту чудную ночь лишь угрюмы поля
и посылъ вездѣ молчаливы, да рыдала
одна втихомолку земля, обнимая роди-
мья нивы... Говорила она, что о страсти
любви, всколыхнувшись, шептала природа,
позавыши до томъ,—что повесуду въ
крови она тонетъ родного народа... Какъ
фальшивый аккордъ эта пѣсня земли,
какъ на пирѣ мотивъ погрѣбальный!...
Поднялся къ чему эти тѣни вали, эти
тѣни въ одеждѣ печальной! И къ чему
въ эту ночь рой назбилывахъ думъ и
тоска торжество омрачаютъ! Будь од-
нажды въ году и Лейли и Меджлумъ съ
поцѣлуемъ другъ друга встрѣчаютъ!

***
И вотъ въ тѣ времена, а то было
давно, времена тѣ умчались далеко, и
въ странѣ у кого, намъ теперь все равно,
жилъ одинъ человекъ одиноко. И ша-
лашъ для житья ему чаща свила,—онъ
былъ къ дубу народомъ привязанъ... За
былые грѣхи, за былыя дѣла былъ онъ
Небомъ жестоко наказанъ: до какихъ бы
обдѣянкъ ни коснулся вещей, хотъ бы съ
нѣжной и пылкой любовью, оставались
слѣды: онъ рукою своей ихъ окрашивалъ
алою кровью... Одинокій въ крови былъ
заброшенъ старикъ, и одна въ немъ
таилася дума: хотъ бы въ этомъ году
уловить чудный мигъ встрѣчъ на небѣ
Лейли и Меджлума!

***

Лишь укроется день за горой вдалекѣ,
ночь окутаетъ землю покровомъ, какъ
надежда опять заблеститъ въ старикѣ,
въ старикѣ, безгранично суровомъ; мо-
жетъ, нынѣ и есть долго-жданная ночь,
ее будетъ молитвой онъ славить: вѣдь
Лейли и Меджлумъ ему могутъ помочь и
отъ крови ужасной избавиться!.. И дождался
старикъ... Уловилъ его взгляды звѣздъ
влюбленныхъ минуты свиданья, но успѣлъ
онъ сказать въ ту минуту подрадь толь-
ко два сокровенныхъ желанья: «Я, во-
первыхъ, ищу мой душевный покой и
отъ крови хочу избавиться! Во-вторыхъ,
чтобы все, что я трону рукой, стало зо-
лотомъ въ то же мгновеніе!»

***
— «Ну а въ третьихъ еще»... Но не
кончилъ старикъ, оборвался обдѣянкъ съ
полуслова: ужъ Лейли и Меджлумъ рас-
прошались въ мигъ и на годъ разлучи-
лись снова. И, сбилось это все: что
ни тронетъ рукой,—нѣтъ кровавыхъ
слѣдовъ и въ поминѣ, и, казалось, ста-
рикъ свой желанный покой долго-ждан-
ный вкушаетъ отнынѣ... И за первымъ
второе желанье его небеса привели въ
исполненье: чтобы въ золото все, онъ
коснется чего, обращалось въ то же
мгновеніе... Онъ, вернувшись домой, об-
нявъ радостно дочь,—тутъ же въ золо-
то дочь обратилась... Проклятъ горь-
обдѣянкъ эту чудную ночь, и слеза за
слезой покатилась.

***
И рукою слезу со щечи онъ смахнулъ
и упала слеза золотая... Все тутъ по-
нялъ старикъ, и глубоко вздохнулъ: вид-
но, неба въ томъ воля святая! Но и
что бы потомъ онъ ни тронуть подчасъ
изъ одежды, питья или хлѣба, превра-
щается чудомъ все въ золото тотчасъ по
вѣдью грознаго Неба!.

Чѣмъ, хотите вы знать, жизнь закон-
чилъ старикъ, такъ правдивой легендѣ
повѣрите: среди золота онъ головою по-
никъ отъ голодной мучительной смерти.

Это было давно, какъ Лейли и Ме-
джлумъ разъ въ году темной ночью встрѣ-
чались, отогнавъ отъ себя рой назби-
ливыхъ думъ, въ поцѣлѣу они обрुчились...
В. ТРОФИМОВЪ.

ОНА ПОЕТЪ!!!

— Какое счастье! Она поетъ!—Влади-
миръ Ивановичъ лихорадочными шагами
ходилъ по камерѣ и на его вѣчно блѣд-
ныхъ щекахъ выступилъ румянецъ во-
лненья.

— Она поетъ.. Я такъ и думалъ..

И его широкая улыбка озарила захо-
домъ сѣрые камни стѣны. И все помоло-
дѣло, повѣжѣло въ этомъ проклятомъ
каменномъ мѣшкѣ, въ которомъ Влади-
миръ Ивановичъ просидѣлъ уже шесть
лѣтъ и просидитъ еще богъ знаетъ сколь-
ко лѣтъ... до старости...

— Она поетъ!..

Онъ досталъ изъ кармана завѣтную мо-
чалку, которую получилъ сейчасъ на про-
улкѣ дворика, гдѣ онъ гуляетъ по ча-
су въ день, такую мочалку съ узелками.
Каждый день, хотъ уже шестой мѣ-
сяцъ Владимиръ Ивановичъ находить въ
уголкѣ дворика, гдѣ онъ гуляетъ по ча-
су въ день, такую мочалку съ узелками.

Это—записка отъ нея, отъ его под-
руги по заключенію, отъ его возлюблен-
ной, отъ его идеала, отъ женщины, жен-
щины, женщины, къ которой такъ жад-
но рвется его молодое существо.

Онъ никогда въ жизни не выдалъ Ея.
Онъ никогда въ жизни не увидитъ Ея. И
все таки любить, обожаешь, боготвори-
тъ Ея...

Какъ это вышло?..

Такъ странно и такъ просто.
Такъ и должно было выйти, потому
что онъ долженъ былъ узнать объ ея
существованіи, а она—объ его.

Въ этомъ проклятомъ казематѣ стѣ-
ны такъ устроены, что стучать невоз-
можно: сосѣдъ не слышитъ, за то все
слышно въ корридорѣ надзирателямъ, и
они запрещаютъ.

Пришлось изыскивать другіе способы
разговора. Не говорить—значитъ сойти
сума. Вѣдь, Владимиръ Ивановичъ заклю-
ченъ на цѣлую жизнь!

Вѣдь, ему смертную казнь замѣнили
вѣчнымъ заключеніемъ...

Онъ слышалъ, что для переговоровъ
заключенные пользуются мочалками, вы-
держиваемыми изъ матраца.

Узелки на мочалкѣ соответствуютъ
стучкамъ тюремной азбуки: сколько сту-
ковъ—столько узелковъ.

Каждая буква требуетъ отъ 2 до 11
узелковъ.

Слово «люблю» требуетъ 27 узелковъ!
Какое алское терпѣніе, какая затрата
времени требуется для того, чтобы со-
ставить форму въ двадцать словъ.

Нужно крадучись, какъ воръ (—вѣдь
надзиратель то и дѣло торчитъ у гла-
зка двери), вытащить сквозь маленькую
(чтобы не возбуждало подозрѣній) ды-
рочку изъ тюфяка нѣсколько мочалокъ.

Нужно обдумать, тысячу разъ обу-
мать фразу, чтобы она вышла содержа-
тельной, но лаконичной, и помѣстится
вся на небольшой мочалкѣ,—иначе боль-
шую мочалку замѣтитъ тотъ надзира-
тель, который торчитъ на проулкѣ.

Нужно притвориться читающимъ кни-
гу, състь на табуретку спиной къ двер-
ному глазку, чтобы надзиратель не ви-

АНКЕТА.

На проект К. Мертваго об учреждении союза борьбы с развратом, откликнулось несколько корреспондентов. Говорят больше за, горячие — против.

Подождо, пока число отзывов возрастет на столько, чтоб дать возможность дѣлать обобщения. А пока изъ коллекции женских писемъ, полученных мною, опубликую три наиболее типичныхъ. Всѣ они являются отвѣтомъ на письмо курсистки въ № 8 и д-ра Гермонюса. «Увидѣвъ въ восьмомъ номерѣ вашей уважаемой газеты письмо молодой дѣвушки, къ ей большимъ интересомъ начала его читать. Но прочитавъ, была очень разочарована, и даже возмущена. Поэтому мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы

дѣвушки, прочитавши письмо N (назове ее такъ для краткости) и еще не разобравшись въ половомъ вопросѣ, узнали, и мое мнѣнiе. Я тоже дѣвушка 21 года и принадлежу къ буржуазной семьѣ. О половыхъ отношенiяхъ я узнала, когда мнѣ было 12 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я начала наблюдать за отношенiями между людьми и по возможности знакомилась изъ книгъ, съ половымъ вопросомъ. Благодаря моей наблюдательности ничего не проходило мимо меня незамѣченнымъ. Надо прибавить, что обстановка мнѣ въ этомъ отношенiи благоприятствовала, т. е. меня окружали развратъ. Но, странно, эта обстановка не только не развратила меня, но, наоборотъ, вселила отвращенiе къ пороку. Физически я совершенно нормально развита и слѣдовательно не представляю никакого исключенiя въ этомъ отношенiи. Поэтому я нахожу, что имѣю право критиковать поведение N и ей разсужденiе о бракѣ. Она пишетъ, что инстинктъ материнства ее толкаетъ къ человѣку, котораго она совершенно не любитъ и который ей чуждъ и безконечно далекъ. При этомъ N. заявляетъ, что она пассивно подчиняется голосу своего животнаго я. Зачѣмъ же эта пассивность, если можно уйти отъ этого человѣка и инстинктъ исчезнетъ. Я бы еще могла понять поведение N, если бы этотъ человѣкъ любилъ ее, но она говоритъ: «духовно мы раздѣлены пропастью, которой онъ не видитъ и не хочетъ видѣть, потому что ему нужно только мое тѣло». Слѣдовательно ихъ связываетъ только половое влеченiе. Но что-то будетъ черезъ нѣкоторое время, когда оно будетъ удовлетворено? Имъ останется только разойтись и каждому отдѣльно искать свое счастье въ жизни. Если же ихъ свяжетъ церковный бракъ, дѣти, то они будутъ, быть можетъ, прозябать вмѣстѣ всю жизнь. Сомнѣваюсь, чтобы при такихъ отношенiяхъ они были вѣрны другъ другу.

И такъ, я не раздѣляю взглядовъ N и хотѣла бы познакомить читателей съ моими взглядами. Я нахожу, что союзъ между двумя лицами долженъ быть основанъ на сознательной взаимной любви. Бракъ, покоящийся на любви, является гармоническимъ соединенiемъ двухъ личностей, взаимно дополняющихъ другъ друга, плоды котораго явятся результатомъ желанiя создать еще болѣе совершенное, существо, такой бракъ есть идеаль къ которому мы должны стремиться всѣми силами. Мотивами такого брака могутъ быть то желанiе дать жизнь новому существу, то потребностъ искать поддержки въ взаимной любви, чтобы бороться за общiй идеаль, то тоска одной души по другой, дополняющей ее. N же думаетъ о бракѣ совсѣмъ иначе. Не понимаю, какъ интеллигентная дѣвушка можетъ смотрѣть на союзъ между мужчиной и женщиной, какъ на животный актъ, едва отличающийся отъ совокупленiя собакъ. Неужели еще не всѣ дѣвушки (интеллигентныя) поняли, что есть только любовницей своего мужа—роль слишкомъ унижительная? Мнѣ кажется, что всякая интеллигентная дѣвушка жаждетъ любви и любить сладострастiе, поскольку последнее есть проявленiе любви: ласки, которая доставляетъ ей любимый человѣкъ, отъ другого же она ей противна. N говоритъ: «Если въ одномъ человѣкѣ можно слить и духовно близкаго человѣка, и любовника—это хорошо, если нельзя, то пусть эти начала не смѣшиваются». Далѣе она говоритъ, что въ каждомъ человѣкѣ должно явиться отчетливое сознание необходимости отдѣльнаго независимаго существованiя какъ человѣческаго, такъ и духовнаго я. Это не новое воззрѣнiе, а, наоборотъ, слишкомъ устарѣлое и не мѣшало бы его уже забыть. Его проповѣдывало христіанство.

Изь этого воззрѣнiя вытекаетъ только наша половая извращенность; совершенно отдѣльная чувственное наслажденiе отъ любви, объявляя первое чисто животнымъ актомъ, а послѣднее божественнымъ принципомъ, христіанство развращало и унижало человѣка. Мораль нашихъ молодыхъ людей, позволяющая имъ передъ дѣвушкой играть сентиментальнаго и цѣломудреннаго, въ то время, какъ они самымъ грубымъ образомъ удовлетворяютъ свои потребности у проститутокъ, есть непосредственный продуктъ этого мировоззрѣнiя. И такъ, я признаю только такой союзъ между мужчиной и женщиной, при которомъ влеченiе духовное и физическое идутъ рука объ руку. Думаю, что большинство дѣвушекъ больше сочувствуетъ моимъ взглядамъ, чѣмъ взглядамъ N. КУРСИСТКА 2-ая. Такъ же горячо протестуетъ и третья курсистка, авторъ слѣдующаго письма. «Прочтя въ Вашей газетѣ безотрадные письма по поводу вопроса, Вами поднятнаго, мнѣ захотѣлось во первыхъ, показать вамъ счастье исключенiе, каковыя, судя по письмамъ, получаемымъ вами, не могу не считать себя, а во вторыхъ, возразить на единственное, если не ошибаюсь, письмо женщины курсистки въ № 8 вашей газеты, съ которымъ я абсолютно не согласна. Меня поразило, до какого ужаснаго minimum'a можно было свести требованiя свои по вопросу, способному и должному по своей важности вызвать скорѣй преувеличенныя требованiя, чѣмъ столь ничтожныя. — Она собирается выйти замужъ, я уже вышла, и переживъ все то, что она теперь переживаетъ, не могла не испугаться состоянiя ея психики. Я также курсистка и также принадлежу къ весьма и весьма буржуазной семьѣ; мнѣ 21 годъ, шесть мѣсяцевъ тому назадъ я вышла замужъ за студента 22-хъ лѣтъ. Въ силу разныхъ обстоятельствъ въ шестнадцать—семнадцать лѣтъ во мнѣ пробудились разные вопросы, неизбѣжно приведшие меня къ тому или иному рѣшенiю

дать рукъ, и дѣлать не спѣша узелки аккуртненькіе, ровненькіе... Въдъ Она сама, сама Марія будетъ осязать ихъ и по нимъ прочитывать его мысли, угадывать его душу, открывать его вѣру, надежду, а главное любовь... Конечно, онъ никогда не смѣетъ дѣлать такихъ бисерныхъ изящныхъ узелковъ, какъ Она. По ея узелкамъ догадываешься, какія маленькія у нея ручки, какіе хорошенькіе ловкіе пальчики и какая эстетичная Она натура: ея мочалочки всегда такъ ровны и свѣтлы (—откуда она ихъ достаетъ, развѣ не всѣмъ заключеннымъ полагаются одинаковые матрацы!) и оканчиваются маленькимъ изъ той же мочалки сдѣланнымъ бантикомъ... Это вѣсто подписи... Это уже женское кокетство... И эти бантики радуютъ его, какъ ребенка... И онъ любитъ составлять изъ нихъ, изъ этихъ цѣтвѣвъ тюльпаны, букеты... И онъ любитъ опускать въ этотъ букетъ свое разгоряченое лицо... И ему кажется, что онъ слышитъ ароматъ ея тѣла... ароматъ женщины... Марии... Божества... Перениска не сразу наладится между ними. Около мѣсяца Владимиръ Ивановичъ ежедневно, гуляя, незамѣтно отъ сторожа ронялъ въ прагматъ углу дворика между третьимъ и четвертымъ кирпичами стѣны мочалку, на которой узелками было написано: «Какъ васъ зовутъ, Владимиръ Козловскій, сию съ таково-то года и мѣсяца». И каждый день находил на томъ же мѣстѣ ту же мочалку. Онъ терпѣливо поправлялъ ее, придавалъ ей форму вопросительнаго знака. Сколькo разъ глухая, безсильная безнадежность охватывала его сердце: — Неужели никто никогда не гуляетъ на этомъ дворикѣ, кровъ меня. Нѣтъ, не можетъ быть. Иначе надзиратель не торопилъ бы такъ его съ прогулки. Непремѣнно дворъ, этого кусокъ огороженныя стѣнами каземата и огранды можетъ питаться землей, кому-нибудь нуженъ сейчасъ же послѣ меня. И шли дни, и на свой вопросъ онъ не находилъ отвѣта и все сѣрѣе, безнадежнѣе была его жизнь.

И вдругъ... вмѣсто своей бурой, распренной мочалки, онъ нашель другую... свѣтлую, свѣжую съ аккуртненькими, бисерными узелочками... Онъ такъ обрадовался, что голова закружилась. Онъ чуть не упалъ. И не дожидаясь конца прогулки, всѣмъ забывъ, что можетъ выдать свою сокровенную тайну надзирателю, началъ тутъ же читать: «Марія Вишневская, по дѣлу Иванова, сию мѣсяцъ». — Марія... Женщина... Дѣвушка... Возможно ли... Какое счастье! И въ первый разъ за свое шестилѣтнее пребыванiе здѣсь, слово «счастье» вырвалось изъ его груди. Въдъ онъ вслухъ сказалъ это слово, позавбывъ, что онъ одинъ. Да нѣтъ. Развѣ онъ теперь одинъ, разъ у него письмо отъ подруги... да, отъ подруги жизни... и смерти... Въдъ, сюда входятъ, но отсюда не выходятъ... Влвоемъ... Какое счастье! Бантикъ... Какое это деликатное, женственное существо... Ну, развѣ Владимиръ Ивановичъ когда-нибудь догадался бы скрасить письмо бантикомъ... Мелочь... Но въ этой мелочи сказала женщина цѣликомъ... Марія!.. Какое это прекрасное имя!.. Какое простое и вмѣстѣ съ тѣмъ... это символъ... это лозунгъ... это цѣлая программа... И вернувшись съ прогулки, онъ не узналъ своей камеры. Все стало инымъ, привѣтливымъ, веселымъ. Ему хотѣлось пѣть, кричать, прыгать... И онъ запѣлъ... И только окрикъ тюремщика: «Пѣть не полагается!» вернулъ его къ дѣйствительности. Но не надолго. Онъ сѣлъ на кровать и сталъ мечтать о Ней. Какая Она? Какія у нея волосы? Глаза? Главные, глаза и волосы... Похожа ли она на Ту, которая его поцѣловала шесть лѣтъ тому назадъ... Звали ли и Ту Маріей... Вѣроятно... Непремѣнно... Въдъ, Марія такое чистое имя... И такое прекрасное... Онъ шепталъ вслухъ:

— Марія... Марія... Марія... Вишневская... И фамилия красивая... Ему вспомнилась вишня въ цѣту... вспомнилась садъ, въ которомъ онъ провель дѣтство... югъ... небо... голуби бѣлые, которыхъ онъ такъ любилъ въ дѣтствѣ... Ахъ, зачѣмъ вспоминать о дѣтствѣ, когда и настоящее такъ хорошо... — Марія... Марія... Какое счастье, если она похожа на Ту... И ему вспомнилась этотъ первый и послѣдній поцѣлуй, который когда-либо ожегъ его губы... Это было въ знаменательный вечеръ, когда онъ вынулъ жребій, «счастливыя» жребій, какъ говорили товарищи революционеры. Жребій указывалъ, что на него, двадцатилѣтняго юношу, выпала участь бросить бомбу... И онъ самъ не зналъ, радоваться или страшиться этой отвѣтственной, важной задачи. Счастье или несчастье? И тутъ къ нему, взволнованному, неподвижному, подошла эта милая дѣвушка, взяла его голову и поцѣловала въ губы длиннымъ, горячимъ поцѣлуемъ. — И сказала: — Поздравляю васъ. Будьте мужчиной! И тутъ онъ понялъ, что то, что случилось съ нимъ, счастье. Она сѣла съ нимъ рядомъ и сидѣла до конца засьблания. Обсуждали важные вопросы. Владимиръ Ивановичъ былъ какъ въ чаду. И не успѣвъ, и не догадавшись спросить, какъ зовутъ дѣвушку. Расхолился съ конспиративной квартиры по одиночку, чтобы не возбудить подозрѣнiя. Она исчезла. Она больше ея никогда не видаль. И не увидитъ, потому что тѣ, кто попадаютъ сюда, не возвращаются живыми. Онъ помнитъ только ея глаза и губы... — По дѣлу Иванова... Что это за дѣло Иванова? Вся исторiя освободительнаго движенiя сложилась изъ дѣлъ Иванова... Дѣло Иванова—это символъ... Красный символъ... Какъ это незначительно и какъ многозначительно!

Открылась дверная форточка. Появились кружка чаю и кусочекъ сахара. Владимиръ Ивановичъ машинально сталъ брать то и другое. Машинально сталъ пить мелкими глотками въ прикуску. А мысли были съ Ней. И обѣ Маріи, Та и Эта, сливались въ одну, въ одно гармоничное женственное цѣло. И что-то родное, но неизвѣданное было въ этомъ обожествленiи женственнаго начала... Больныя мысли скользили тамъ и тутъ. — Святая... Великому... Она должна страдать но такъ, какъ я... въ тысячу разъ больше, потому что она существо въ тысячу разъ болѣе слабое... Женщина... Дѣвушка... Марія... Марія... Похожа ли Она на Ту... — Спрошу... Я узнаю это завтра же, Нѣтъ, послѣзавтра. — Ответъ я положу мою... (Онъ хотѣлъ сказать мочалку, но потомъ ему сдѣлалось неловко и онъ поправился) мое письмо... А послѣ завтра она мнѣ отвѣтитъ... Послѣ завтра... Какъ это долго! Доживу ли я до послѣ завтра... Доживетъ ли она... Быть можетъ, она больна. Въдъ вотъ сосѣдь по камерѣ умеръ... Какъ онъ кричалъ... Владимиръ Ивановичъ слышалъ, какъ его вынесли жандармы. И, счастливыя, онъ заснулъ, какъ въ дѣтствѣ. Онъ спалъ на подушкѣ, на половину заполненной ея записками. А черезъ двѣ камеры по тому же корридолу каземата не спали. Тусклая, чапающая керосиновая лампа, которая по инструкции должна горѣть всю ночь, брестала слѣдныя блики на такую же арестантскую постель, какъ и у Владимира Ивановича. Блѣдная, худая дѣвушка лѣтъ 25 сидѣла съ ногами на ней и плела вѣнокъ, и горѣли ея большіе чахоточные глаза... и кашляла... И было что-то безумное во всѣхъ ея движенiяхъ. И невольно вспоминалась Офелия. Она плела вѣнокъ возлюбленному... Такъ поэтично называла она называнiе бисерныхъ узелковъ на мочалку... И беззащитная горестная мысли кипѣли, горѣли въ ея головѣ.

полового вопроса. Нѣсколько лѣтъ я, конечно, въ этомъ вопросѣ была чистымъ теоретикомъ, но пришло время, я встрѣтилась съ теперешнимъ своимъ мужемъ, я почувствовала себя женщиной и съ этого пункта моей внутренней жизни я рѣко расхожусь со взглядомъ на этотъ вопросъ той другой курсистки. Я назвала ея требованія минимальными, но и этого строго говоря, слишкомъ много, такъ какъ у нея вовсе нѣтъ никакихъ требованій. Вся «проклятость» этого вопроса какъ разъ и заключается въ дисгармоніи, весь трагизмъ—въ попыткахъ согласовать моральныя и физиологическія обстоятельства. О чемъ же и разговариваете, если она почти цинично (безосознательно, конечно,) заявляетъ, что тотъ человѣкъ, которому она собирается отдаться, для нея абсолютный нубъ въ духовномъ смыслѣ и только возбуждаетъ ея чувственность. Меня больше всего удивило, что это пишетъ курсистка. Неужели она ни на минуту не ощущаетъ, что для нея, для курсистки, для особы съ духовной и умственной жизнью моментъ этой отдачи можетъ быть отвратительнымъ, если хотя на мигъ проснется и предъвидитъ свои требованія, потребуетъ и себя мѣсто, какъ и во всемъ въ жизни, эта самая духовность. Неужели она не понимаетъ, что она только вноситъ посылку ленту въ то нескончаемое море гадостей и гнусностей, благодаря которымъ и самый этотъ вопросъ начинается многимъ казаться и гадкимъ, и отвратительнымъ; она также очевидно принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ и поэтому вполне логично приходить къ рѣшенію совершенно отбросить и отблѣить этотъ вопросъ отъ всего того, что ей дорого, что считаетъ чистымъ, и что она боится запачкать даже самою близостью чего-то отвратительнаго. Все это я пишу не для того, чтобы винить ее,—обстоятельствами жизни можно извинить многое, но зачѣмъ же оправдывать и даже возводить въ догму только слабый компромиссъ или во всякомъ случаѣ рѣшеніе насколько простое, настолько же

и странное. Мой мужъ, прочтя въ вашей газетѣ ея письмо, рассказалъ мнѣ анекдотъ, который, несмотря на его рѣзкость, позволило себѣ привести здѣсь. Дѣло идетъ о купчихѣ, которая сразу была въ очень близкомъ знакомствѣ со студентомъ для разговора, съ офицеромъ для удовольствія. И наконецъ съ кучеромъ для удовольствія. Но въ это извинительно купчихѣ, да еще анекдотической. — И мой взглядъ, и взглядъ моего мужа совершенно противоположны ея взгляду—не разъединять, а соединять духовную и половую жизнь, вотъ единственно возможное разрѣшеніе этого вопроса. Столько пошлости и гадости наворотили многія поколѣнія людей на этотъ знаменитый и таинственный и завлекательный актъ, что только соединеніе его съ тѣмъ, что принято считать чистымъ и высокимъ, можно его сдѣлать пригоднымъ къ употребленію безъ чувства безразличности. Съ точки зрѣнія моего личного разрѣшенія этого вопроса, я скажу даже значительно больше, а именно, что о безразличности здѣсь даже не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ какой, въ сущности, пустякъ физически отдаться человеку, который уже и безъ того безконечно близокъ духовно, какъ легко при этой отдачѣ забывается вся грязь, та людская посторонняя грязь, которая не въ силахъ уже освѣркнуть что либо, защищенное и прикрытое этой нравственной и духовной близостью.

Повторяю что я уже замужемъ и сдѣдовательно въ теоретичности меня упрекать нельзя. Одно могу сказать мнѣ, что мнѣ повезло, что обстоятельства сложились удачно для меня, но по собственному опыту могу сказать, что въ этомъ случаѣ всякій «дѣлаетъ самъ свои обстоятельства».

Я много требовала, много и получила, но лучше умерла бы, чѣмъ согласилась свою внутреннюю жизнь, свои духовные запросы и требованія подчинить «половому влеченію»? (?)

Въ заключение могу вамъ сообщить фактическія данныя. Первая свѣдѣнія достаточно приближительная лѣтъ 15 я

узнала изъ недомолвокъ и намековъ окружающихъ, а подробности я узнала изъ медицинскихъ книгъ и изъ разговоровъ съ моимъ теперешнимъ мужемъ, который сумѣлъ въ достаточно мягкой формѣ передать мнѣ вещи самыя ужасныя. Могу прибавить, что этому вопросу посвящаемъ мы очень солидное количество нашихъ разговоровъ».

Дѣвчья душа—потемки.

Вотъ почему съ особымъ удовольствіемъ и охотой отвожу я мѣсто этимъ искреннимъ дѣвичьимъ исповѣдямъ.

Жудный стыдъ мѣшаетъ женщинамъ принимать участіе въ моей анкетѣ.

Изъ десяти писемъ лишь одно написано женскою рукою.

Между тѣмъ, проникнуть въ психологию женскаго полового чувства, войти въ святая-святыхъ и грѣшная-грѣшныхъ дѣвичьей души такъ поучительно и интересно.

Вотъ еще одно дѣвичье письмо.

«Въ 9 № вашей уважаемой газеты я прочла о желательности участія женщинъ во всестороннемъ освѣщеніи полового вопроса.

Послала краткое описаніе моей половой жизни съ начала ея проявленія во мнѣ.

Мнѣ теперь двадцать лѣтъ; занимаюсь я педагогической дѣятельностью. Къ «павшимъ» женщинамъ не принадлежу.

Съ 9-ти лѣтъ, т. е. со вступленія въ одну изъ Петербургскихъ гимназій, я начала интересоваться половымъ вопросомъ. Я пыталась главнымъ образомъ узнать подробности рожденія дѣтей, спрашивала объ этомъ у каждой подруги, почти у каждой прислуги. Къ остальнымъ взрослымъ дома обращалась съ такими вопросами не рѣшалась, боясь, что вырѣзаны. Подруги наговаривали мнѣ всевозможныхъ небельчицъ, въ которыя я одною мало вѣрила. Во время Зак. Бож. какъ-то случайно прочли въ Евангеліи мѣсто, касающееся полового вопроса; съ этихъ поръ искали въ этой книгѣ исключительно то, что насъ такъ сильно

интересовало, и о чемъ мы говорили по цѣлымъ днямъ.

Несмотря на всѣ усилія понять, о чемъ написано въ этихъ большихъ толстыхъ книгахъ, мы мало понимали и толковали потому текстъ по своему. Два года я безперервно допытывалась истины и наконецъ въ 11 лѣтъ узнала все отъ нашей прислуги. Это была деревенская дѣвушка лѣтъ 23-хъ. Рассказала она мнѣ все безъ прикрасъ и очень подробно. Помню, я всю ночь не спала послѣ этого и была въ страшномъ волненіи.

Съ этихъ поръ я покупала и брала потихоньку всевозможныя книги, касающіяся полового вопроса, и уже въ 14 л. смотрѣла на половую жизнь исключительно съ научной и естественной точки зрѣнія. Изъ книгъ же я узнала о порокахъ, болѣзняхъ и всевозможныхъ ненормальностяхъ половой жизни. Сама никогда никакими пороками не занималась, благодаря, вѣроятно, счастливой случайности и за неимѣніемъ подружъ, занимающихся этимъ; опять, повторяю, счастливая случайность.

Во всей моей педагогической практикѣ нужна была громадная сила воли, чтобы удержаться отъ паденія, увѣ, такъ часто выпадающаго на долю трудящихся женщинъ, тѣмъ болѣе, если она имѣетъ счастье (?) быть «хорошенькой». Опасность грозитъ со всѣхъ сторонъ, на васъ смотрятъ, какъ на рабину, по ихъ мнѣнію мы должны считать за счастье быть любовницами кокого-нибудь богатаго «патрона».

И рѣдко кто устоитъ. Да и нѣтъ ничего удивительнаго: съ одной стороны лишене заработка, поиски уроковъ, трапа послѣднихъ грошей на объявленіе въ Нов. Вр., и послѣ этого опять урокъ съ «патрономъ». Съ другой—святая и праздная жизнь, можетъ быть, даже на-долго. Не всякая имѣетъ достаточно силы воли, энергии, а главное отвращенія къ «патрономъ». Не каждая имѣетъ идеалъ выше сытой и беззаботной жизни.

В. К.»

Н. ГЕОРГИЕВИЧЪ

— Что я надѣлала!.. Какъ я, я Марія Вишневецкая, дожидая до того, что рѣшилась ему солгати!.. Съ какимъ лицомъ прочитала онъ сегодня мое признаніе, что я... я не пою... какими глазами будетъ онъ глядѣть на меня... какъ я упаду въ его мнѣніи!..

И къ чему это она сдѣлала?..

Развѣ онъ любилъ бы ее меньше, еслибы она написала ему правду...?

Это было кокетство, простое женское кокетство...?

Нѣтъ, это было не простое кокетство. Это было сознательное желаніе обродовать его.

Чѣмъ еще могла она обродовать его? Вѣдь она знала, что она для него—все.

Но развѣ ложь отъ этого перестаетъ быть ложью!

Развѣ цѣль оправдываетъ средства.

Цѣль—радость. А средство—?

Когда она, описывая себя, полгода тому назадъ упоминала о выходящихъ на лбу волосахъ, она нашла оправданіе своей маленькой лжи.

На свободѣ она, дѣйствительно, всегда завивала волосы спереди, и тѣ, кто увидалъ бы Марію Вишневецкую съ теперешними прямыми прядями гладко зачесанныхъ волосъ, не узнали бы ее.

Она имѣла право изъ кокетства представить Владиміру такую, какой она была на свободѣ...?

Ахъ, да что это... Не могла Она быть болыной!.. Она только мѣсяцъ здѣсь... Она добрая, свѣтлая, свѣтлая, какъ Ты. Писать... Сейчасъ же писать... Владиміръ Ивановичъ выбралъ мочалки побѣле и по аккуратнѣе. Двѣ, три... десятковъ мочалочекъ...?

Онъ дѣлалъ узлы и обрывалъ, дѣлалъ и обрывалъ...?

Слишкомъ много горячихъ мыслей, пламенныхъ словъ тѣснились въ его головѣ, но они остывали... слишкомъ уже копотлива была работа превратить ихъ въ узлы...?

Слишкомъ несовершенство способъ писанья... И слишкомъ дрожали руки у писавшаго... И слишкомъ непрочны были матеріалы... И слишкомъ часто глядѣть въ дверной звонокъ тюремщика, замѣтивъ, что съ арестантомъ творится что-то не ладное...?

Лишь ночью, поздно ночью было готово письмо.

Въ немъ онъ просилъ не смѣяться и умоляя Ее описать свою наружность. Какіе глаза? Какіе волосы? Ростъ? Овалъ лица?.. Все, все...?

Онъ хотѣлъ было написать, даже написать уже: сколько вамъ лѣтъ?

— Развѣ можно женщинамъ предлагать такой вопросъ!

И вырвалъ этотъ вопросъ.

— Глупый вопросъ! Она, конечно, молод! Она не можетъ не быть молодой!.. Во первыхъ, потому, что только молодость революціонна... Во вторыхъ, потому, что дѣло Иванова возникло уже послѣ того, какъ я сижу, быть можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ... Въ третьихъ, потому, что она это Она, это его Марія, эта дѣвушка чистая, прекрасная, молодая!..

И онъ не спросилъ о лѣтахъ.

А Она, описавъ свою наружность всю, всю, какъ могла, о лѣтахъ не сказала ни полъ слова.

И съ тѣхъ поръ вотъ уже шестой мѣсяцъ они обмѣниваются письмами. Сначала онъ получалъ отъ нея черезъ день,—отвѣты на его письма. А потомъ—каждый день.

И отвѣты и новые вопросы. И новая бесѣда. И раскрывалась Ея душа. Женственная, чистая, прекрасная.

Онъ уже давно рисовалъ себѣ ея портретъ со всею яркостью изошреннаго одностороннего воображенія.

Да, Она похожа на Ту. Правда, Марія, по ея словамъ блондинка, а Та была шатенка. Но это ничего не значить. Во первыхъ, Марія темная блондинка, почти шатенка, а Та—свѣтлая шатенка,—почти блондинка.

Какъ-то Марія сдѣлала ему подарокъ—прислала свой ростъ, свой точный ростъ, какъ свято хранилъ Владиміръ Ивановичъ мочалку, длина которой и была длиной Ея тѣла.

Это было единственное вещественное доказательство, это было единственное тѣлесное, что было въ его камерѣ, часть Ея тѣла, какъ письма—часть Ея души.

Онъ отнѣтилъ на стѣнѣ ея ростъ. И теперь всегда она стояла передъ нимъ въ ея естественную величину.

Раньше онъ воображалъ ее выше.

И вотъ сегодня, черезъ полгода пере-

писки, онъ получаетъ второй подарокъ, такой же реальный, такой же тѣлесный, какъ ростъ.

И его руки поврорно и радостно писали ей «письмо».

И съ улыбочкой онъ сказалъ себѣ:

— Мнѣ позавидуетъ всякій морякъ; сколько я узловъ въ часъ дѣлаю!..

Она поетъ!.. Какое счастье!.. Онъ будетъ представлять себѣ въ снахъ и презахъ Марію поющую.

И онъ началъ вспоминать контрольные романы, какіе когда-то, шесть лѣтъ тому назадъ, слышалъ тамъ, на свободѣ.

Онъ никогда, никогда не услышитъ Ея на яву. Но что ему помѣшаетъ Ее слушать по снѣ!..

Но имѣла ли она права говорить о голосѣ, котораго у нея не было на свободѣ...?

А ужъ теперь и подавно...?

— Теперь я кашляю, а не пою...?

И она плела ему вѣнокъ, писала длинное письмо и въ немъ прощала, рыдала, молила простить ей ту ложь, которая запятнала чистоту ихъ отношеній...?

Приступы мучительнаго кашля открывали ее отъ вѣнка. Она хваталась своей худенькой рученкой за грудь.

И вся трясаясь, трепетала, изнемогла подъ бременемъ недуга.

Полъ утро, когда письмо уже было окончено и скатано въ грецкій орѣхъ, она забылась...?

Въ забытій пробыла почти до самой прогулки.

Свѣжій воздухъ пахнулъ ей въ лицо. Дворчикъ былъ покрытъ утреннею сыростью.

Дѣвушка тряслась, закутылась въ свой халатикъ. Сырость пронизывала ее.

Лишь только отвернулся надзиратель, она колючими движеніями схватила письмо Владиміра и на его мѣсто положила свое.

И ей стало тепло, тепло.

И ходя большими нервными шагами вдоль казематной стѣны, она въ рукавъ халата перебирала привычною рукою, какъ четки, посланіе друга.

«Какое счастье, вы поете! Я сегодня слушалъ по снѣ васъ. Вы пѣли романсъ Чайковскаго «Я ли въ полѣ да не травушка была!..» Bravo! Bravo!.. Спасибо вамъ! Лучшаго подарка къ шестилѣт-

нему юбилею моего сидѣнія здѣсь вы не могли придумать!.. Но отчего же до сихъ вы скрывали отъ меня свой голосъ...?

Слезы закипали въ глазахъ дѣвушки...?

— Несчастный! Какъ тяжело тебѣ будетъ завтра узнать правду...?

Потомъ у ней блеснула мысль:

— А имѣю ли я право отнять у него то, что подарилъ!..

Она подарила ему иллюзію... Не безжалостно ли убить правой эту иллюзію!..

Порывистымъ движеніемъ она подняла съ земли свое письмо...?

Владиміръ Ивановичъ первый разъ за шесть мѣсяцевъ не нашелъ на привычномъ мѣстѣ ея отвѣта.

И сердце у него упало. И руки похолодѣли.

— Что съ ней, заболѣла? Умерла? Вышла на свободу...?

И на слѣдующій день онъ не нашелъ ея письма...?

И никогда больше не находилъ ея письма!..

И до сихъ поръ не знаетъ, что съ ней: заболѣла, умерла или вышла на свободу...?

Но въ мечтахъ и на яву, во снѣ и въ грезѣхъ на него до сихъ поръ печально смотрѣли ея милые сѣрые глаза и ея милой оустой голосъ такъ за душу хватаетъ:

Я ли въ полѣ да не травушка была!..

Взяли меня травушку скосила!..

Така доля моя.

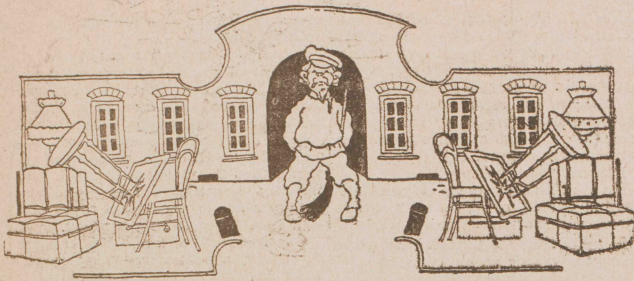
Она поетъ...?

Іюль 1906 г.

Тюрьма.

Н. ШЕБУЕВЪ.

КВАРТИРОЛОГИЯ.

Практическая и теоретическая указания, как устроиться дешево, но мило.

Человеческое, слышное человеческое...

Есть мы не умеем жить. Печи вечно дымят, ботинки жмут, кредиторы одолавают, в квартирах не уютно, Вовочка расквашивает нос, портсигар чорт знает куда заваливается, кофточка линяют, осетрина дорожает, в ноги дуется и т. д., и т. д., и т. д.

И мы все ноим, ноим, ноим...

Жалуемся на весь свѣтъ, видим виновных и на землѣ низу, и на небесах горѣ.

А между тѣмъ единственнымъ виновникомъ того, что жизнь вамъ жметъ ногу, какъ тѣсный ботинокъ, являемся мы сами.

Мы живемъ или слишкомъ широко. Или слишкомъ узко.

Мы не знаемъ, гдѣ научиться жить впору.

Никто, нигдѣ и никогда не читаетъ лекцій о томъ, какъ нужно жить.

Первый учебникъ жизни «Домострой» въ сущности говоря является и послѣдней попыткой..

Вотъ воспоминаніе этого-то пробѣла я и хочу заняться.

Я, слава Богу, пожилъ.

Не хватаясь скажу, что пройдя черезъ горнило житейскихъ передаргъ и неурядицъ, сдѣлалъ въ концѣ концовъ самымъ почтеннымъ обывателемъ.

Я, собственно говоря, виѣпартіенъ.

Но меня съ одинаковымъ успѣхомъ могла бы пріорити любая изъ почтеннѣйшъ партій — народной воли, мирнаго обновленія и даже 17 октября.

Въ своихъ лекціяхъ по «Квартирологіи» я постараюсь воздерживаться отъ всякихъ партійныхъ увлеченій.

Хотя, конечно, мнѣ придется въ нѣкоторыхъ случаяхъ касаться и партійныхъ особенностей.

Напримѣръ, не можеть же кадетъ, или мирнообновленецъ укладываться и переѣзжать на новую квартиру совершенно такъ же, какъ эсдекъ или ось-эръ.

Въ вопросѣ о выборѣ обоевъ, разстановкѣ мебели и сношеніяхъ съ г. Старшимъ, Дворникомъ равнымъ образомъ октябристъ не можеть не отличаться существоаннымъ образомъ отъ максималиста.

Но въ общемъ, повторяю, мои лекціи будутъ одинаково полезны всѣмъ партіямъ настоящаго и будущаго.

Заглавіе моихъ лекцій гораздо уже содержанія.

Я буду говорить не только о розыскахъ, выборѣ, наймѣ квартиръ, не только о способѣ укладки вещей и переѣздкѣ на новую квартиру, не только о способахъ размѣщенія мебели и пріобрѣтении оной (въ кредитъ и въ разсрочку), не только о женѣ, Вовочкѣ и Чемберлешкѣ, какъ таковыхъ, но и вообще о всемъ человеческомъ, слышномъ человеческомъ, что находится по сю сторону нашей жизни.

Я буду говорить о всякихъ буржуазныхъ вещахъ.

И въ сущности говоря, въ каждой буржуазной вещи, если ее хорошенько поскоблить, найдется много социальной философіи.

Но главная цѣль моихъ лекцій все же, повторяю, не философскія изысканія, а практическая указанія.

Въ этомъ смыслѣ моя квартирологія «не замѣнима».

Я совершенно искренно удивляюсь, какъ до сихъ поръ мѣръ мотъ обходиться безъ «Квартирологіи».

Какъ онъ не наткнулся впотымахъ и не проткнулъ себѣ глазъ.

Мнѣ приходится начинать съ начала, т. е. съ выборѣ квартиры.

Вѣдь, это совсѣмъ не по сезону.

Всѣ уже выбрали себѣ квартиру и уже не довольны ею.

Выборать квартиру вы будете въ июлѣ.

А пока у васъ есть время подготовиться къ этой операциіи путемъ изученія квартирнаго вопроса по моимъ лекціямъ.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

О квартирахъ и о пеленкахъ вообще.

Въ июлѣ всѣ квартиры заневѣстятся. И у каждыхъ воротъ будутъ — билетки съ роковыми словами на дбу:

— «Со всѣми удобствами».

О, господа, для многихъ эти слова будутъ по-истинѣ роковыми. Но не для васъ.

Вы пришли заблаговременно запастись всѣми добытыми наукой и опытомъ свѣдѣніями по квартировѣдѣнію. Вы пришли прослушать курсъ лекцій по квартирологіи — и благо вамъ будетъ.

Въ настоящее время въ Петербургѣ гораздо легче найти хорошую жену со всѣми удобствами, чѣмъ хорошую квартиру со всѣми удобствами.

Правда, поиски квартиръ нѣсколько облегчены тѣмъ, что на заневѣстившихся изъ нихъ приклеены билетки:

«Отдается уголь»...

Или:

«Отдается помѣщеніе»...

«Передается»...

Причемъ указано даже, въ какомъ этажѣ, съ услугами или безъ оныхъ.

Такихъ билетиковъ на барышняхъ еще не наклеивается. Но это неудобство, повторяю, только кажущееся.

Вы поймете, насколько легче искать невѣсту, чѣмъ квартиру. Когда вспомните, что барышня, если ей пора выходить замужъ, сама ищетъ жениха, идетъ на встрѣчу вамъ, доводитъ васъ, строитъ вамъ глазки, судитъ авансы, играетъ съ душой сереналу, Машковскаго и безъ души Коквѣркъ, и говоритъ голоскомъ, который заставляетъ васъ забыть вопросъ о цементѣ, которымъ будетъ склеена ваша жизнь.

Вы даже не обратите вниманія на то, штукатурена она, или нѣтъ.

Другое дѣло квартира.

Сна — стоять на одномъ мѣстѣ. Ее вы должны найти сами. Сами разыскать

Господина Старшаго Дворника (и д. квартирной свахи).

Сами сдѣлать ей смотрину: выстроены ли домъ на цементъ, или на цементированномъ мусорѣ. Это далеко не безразлично.

Штукатурена ли, и какъ?

Когда будетъ дѣлать квартиру предложение папашѣ (роль папаша играть Квартировѣдѣ), не забудьте ребромъ поставить вопросъ о сырости.

Между тѣмъ, дѣлая марьяжное предложеніе, вопроса о сырости невѣсты вы можете вовсе не касаться.

Вообще при выборѣ квартиры, вы поставлены въ необходимость быть самостоятельными.

При выборѣ же невѣсты ваша самостоятельность вовсе и не требуется.

Для русскаго же человѣка стать самостоятельнымъ, значитъ — выбиться изъ колеи.

Какъ съ дѣтства учать быть въ самостоятельными, съ дѣтства пеленать. И мы растемъ вмѣстѣ съ пеленками.

И чѣмъ старше дѣлаемся, тѣмъ больше пеленокъ на насъ...

Поступивъ въ гимназію, мы отдаемъ свои способности учителямъ, — берите ихъ и пеленайте ихъ.

Они пеленаютъ, нянчатся, баюкаютъ ихъ восемь длинныхъ лѣтъ.

Въ университетѣ, въ погонѣ за уроками, за заработкомъ, мы ищемъ, кому бы предложить наши рабочія руки.

— Берите и пеленайте ихъ...

На службѣ начальство пеленаетъ намъ руки, ноги, голову...

Остается сердце. И его мы предлагаемъ той, которая первая протянетъ къ нему руку:

— На, бери, суженая-ряженая, пеленкай...

Съ дѣтства мы привыкли слышать:

— Не болтай ручками!..

— Не болтай ножками!..

А къ зрѣлымъ годамъ:

— Не болтай языкомъ!..

И мы сживаемся со своими пеленками и считаемъ ихъ — нашей настоящей кожей. А наша настоящая кожа кажется — эпидермой.

И вдругъ въ июлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору, спадаютъ всѣ пеленки за разъ.

Жена — уѣхала на дачу, начальство — за границу, или наоборотъ, жена — за границу, а вы на дачу.

И вамъ отданъ приказъ:

— Смотри, не проморгай квартиру.

Въ июлѣ ихъ тѣма-тѣмущая, а въ августѣ ужъ одинъ оборъ останется...

И вы, самостоятельный, распеленатый, идете на охоту за квартирами.

И съ непривычки дѣлаете тысячи глупостей.

Нанимаете квартиру, гдѣ въ контрактѣ сказано, что громмофоны не допускаются.

А у вашего Вовочки лучшей другъ — граммофонъ.

Нанимаете квартиру, гдѣ Старшій Дворникъ категорически заявляетъ, что хозяинъ вегетарянецъ, а потому не выносить собакъ.

А о лучшемъ другѣ жены — Чемберлешкѣ позабыли.

Нанимаете квартиру съ отдѣльнымъ погребомъ и общими удобствами, тогда какъ жена соглашалась въ крайнемъ, и то самомъ крайнемъ случаѣ какъ разъ на обратное — на отдѣльные удобства и общій погребъ.

Отъ возможныхъ пагубныхъ послѣдствій неумѣлаго выбора квартиръ и спасутъ васъ, милостивые государи, мои лекціи по квартировѣдѣнію.

Позвольте предослать детальной разработкѣ вопроса нѣсколько общихъ замѣчаній.

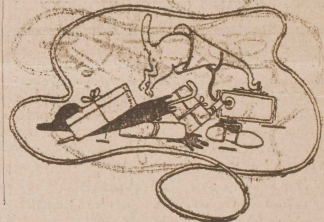
Наука квартирологія родилась и развивалась эмпирическимъ путемъ. Поэтому вы, милостивые государи, не должны удивляться, если я буду въ подтвержденіе моихъ тезисовъ ссылаться на собственный опытъ и на опытъ моихъ пріятелей.

Пессимисты утверждаютъ, что хорошей квартиры въ Петербургѣ невозможно найти.

Это не вѣрно.

Конечно, не будучи членомъ общества любителей охоты за квартирами, не обладая охотничьими собаками, специально для этой цѣли дрессированными, и не располагая рекомендаціями къ нѣсколькимъ десяткамъ Старшихъ Дворниковъ, трудно найти идеальную квартиру.

Но если требовать отъ квартиры удобства въ предѣлахъ возможности, то можно найти квартиру и безъ особой протекціи и связей.

28 Студня (дек.) 1906 р.
У Катерининскій залі (М. Кононоенна, 3) видбудетса
Українскій вечір
І віділ, пьеса: Як кобзаса та чарка-минетса сварка.
ІІ вид: Двертісментъ під назвою «Вулиця» зхором.

„МОЛОДАЯ ЖИЗНЬ.“
Новое политическое, общественное и литературное издание.
Адресъ редакціи и главной конторы: Лештуковъ пер. д. 17.
Объявленія за строку нонпареля: 1 стр.—50 к. IV стр.—30 к.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА
ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ 1 РУБЛЬ 50 КОП.
СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ.
ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП.
НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛЯ.
АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦИИ: КОВЕНСКІЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЬ И ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.
ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВСѢ ВЫШЕДШІЕ НОМЕРА.
ВЪ Г. МОСКВѢ ГАЗЕТУ ШЕБУЕВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ А. А. ЯРЦЕВА, СЛДОВАЯ-ТРИУМФАЛЬНАЯ, БЛИЗЪ М. ДМИТРОВКИ, Д. ПЕРСИЦЪ, КВ. 58.
Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЬ 11 ДО 12 Ч. КОВЕНСКІЙ, 14. ТЕЛЕФ. РЕДАКЦИИ 41-43. ТЕЛЕФ. ТИПОГРАФІИ 216-08.